

Посольский город

Автор:

Чайна Мьевиль

Посольский город

Чайна Мьевиль

Fanzon. Большая фантастика

В далеком будущем люди колонизировали планету Ариеку, обитатели которой владеют самым уникальным языком во Вселенной. И лишь немногие из землян, специально модифицированные, способны общаться с этими существами. После долгих лет, проведенных в глубоком космосе, на планету возвращается Ависа Беннер Чо. Она не может говорить на языке ариекаев, но она – неотделимая его часть, давно превращенная в фигуру речи – живое сравнение. Когда в результате сложных политических махинаций на Ариеку прибывает новый посол, хрупкое равновесие между людьми и аборигенами резко нарушается. Вот-вот разразится катастрофа, и Ависа разрывается между противоречивыми привязанностями: к мужу, которого она больше не любит, к системе, которой она больше не доверяет, и к своему месту в языке, на котором она не может говорить, но который говорит через нее, нравится ей это или нет...

Чайна Мьевиль

Посольский город

China Mieville

Embassytown

Copyright © 2011 by China Mieville

© Н. Екимова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Для Джесс

Слово должно что-то значить (кроме себя самого).

Уолтер Бенджамин «О языке вообще и о языке человеческом»

Пролог

Все дети посольства видели, как садился корабль. Учителя и дежурные родители много дней подряд задавали им рисунки на эту тему. Под их картинки в комнате была отведена целая стена. Вопреки фантазиям детей пушолеты уже много веков не извергают пламени, но изображать их с огненными хвостами вошло в традицию. В детстве я тоже их так рисовала.

Я разглядывала картинки, мужчина рядом со мной тоже наклонился посмотреть.

– Гляди, – сказал он. – Видишь? Это ты. – Лицо в иллюминаторе корабля. Мужчина улыбнулся. И сделал вид, будто сжимает штурвал, как это делала бесхитростно нарисованная фигурка.

– Уж ты нас извини, – сказала я, кивая на рисунки. – Мы ведь провинция.

– Ничего страшного, – ответил пилот. Я была старше него, наряднее и сыпала сленгом, рассказывая истории. Я его волновала, и ему это нравилось.

– И вообще, – сказал он, – это... Это же восхитительно. Быть здесь. На самом краю. И что за ним, один Господь знает. – И он пошел на Бал Прибытия.

Праздники бывали разные: сезонные, выездные, выпускные и ежегодно-посылочные, три Рождества в декабре; но Бал Прибытия всегда был самым главным. Покорный причудам коммерческих ветров, он случался непредсказуемо и редко. С последнего прошли годы.

Дипломатический Зал был переполнен. Служители посольства затерялись среди охранников, учителей и врачей, местных артистов. Изолированные внешние общины фермеров-отшельников прислали свои делегации. Пришельцев снаружи было очень мало, их можно было отличить по костюмам, фасоны которых скоро скопируют местные. Команда отправлялась обратно завтра или через день; Бал Прибытия всегда устраивали в конце визита, отмечая приезд, а заодно и отъезд.

Играл струнный септет. Одной из музыкантов была моя подруга Гарда, которая увидела меня и нахмурилась, словно извиняясь за неизысканную джигу, которую они как раз исполняли. Мужчины и женщины помоложе танцевали. Их начальники и просто люди постарше сами с удовольствием пустились бы в пляс, но смущались и лишь иногда покачивались в такт музыке или, к восторгу младших коллег, позволяли себе насмешливый пируэт.

Бок о бок с выставкой детских рисунков на стенах Дипломатического Зала висели постоянные украшения: картины маслом и гуашью, плоские и трехмерные фотографии служителей, послов и атташе; и даже Хозяев. Картины отражали историю города. Вьющиеся растения карабкались по панелям до самых лепных карнизов, где сплетались, образуя живой балдахин. Его поддерживали специальные деревья. В их ветвях жужжали осокамеры размером с большой палец руки, они охотились за кадрами для передачи.

Охранник, с которым мы дружили в детстве, приветственно махнул мне искусственной рукой. Его силуэт четко вырисовывался на фоне окна в несколько метров высотой и шириной, в которое был виден город и Лиллипэд-Хилл. На склоне холма стоял нагруженный корабль. За километрами крыш, позади вращающихся церковных маяков паслись энергостанции. Напуганные посадкой корабля несколько дней назад, они еще не пришли в себя и держались поодаль.

Было видно, как они переминаются с ноги на ногу.

– Это все вы, – сказала я, указывая на них штурману. – Вы виноваты. – Он рассмеялся, хотя сам толком и не глядел, куда я ему показывала. Слишком многое привлекало его внимание. Для него это был первый спуск.

Мне показалось, что я узнала лейтенанта из предыдущей партии. В его прошлый визит, годы тому назад, в посольстве стояла мягкая осень. Мы с ним ходили шуршать палой листвой в висячие сады и любовались оттуда городом, где не было ни осени, ни других понятных ему времен года.

Я прошла сквозь струи дыма с подносов с возбуждающими курениями и попрощалась. Группа иноземцев, закончивших здесь свои дела, улетала, а с ними кучка местных, которые подали заявления на право выхода и получили положительный ответ.

– Дорогая, ты что, плачешь? – спросила Кайли. Я не плакала. – Завтра мы еще увидимся, а может, и послезавтра тоже. И ты сможешь... – Но она знала, что всякое общение будет затруднено и рано или поздно прервется. Мы обнимались до тех пор, пока она сама не прослезилась и тут же рассмеялась, добавив: – Уж кто-кто, а ты должна знать, почему я улетаю.

А я ответила:

– Конечно, я знаю, дура, я же просто завидую!

Я видела, что она думает: «Ты сама сделала свой выбор», и это была правда. Я собиралась уехать, пока полгода назад последний миаб не принес потрясающее известие о том, что или кто к нам направляется. Но и тогда я пообещала себе, что не буду менять планы и вырвусь наружу со следующей сменой. Однако я не слишком удивилась, обнаружив, что не хочу никуда лететь, хотя иол уже с грохотом рвал над нами небо, заходя на посадку. Скайл, мой муж, наверное, раньше меня понял, что так и будет.

– Когда они придут? – спросил пилот. Его интересовали Хозяева.

– Скоро, – ответила я, хотя сама понятия не имела. Я-то ждала совсем не их.

Прибыли послы. Люди обступили их, но не толкались. Кольцо пустоты, воздушный ров всеобщего уважения, окружало их всегда. Снаружи по окнам забарабанил дождь. Ни от кого из моих друзей, ни из одного обычного источника мне не удалось узнать о том, что происходит за закрытыми дверями. С самыми главными и вызывающими наибольшее сомнение пришельцами общались только важные шишки и их советники, а я не входила в их число.

Люди поглядывали на дверь. Я улыбнулась пилоту. Вошли еще послы. Я улыбалась им до тех пор, пока они не ответили.

Скоро появятся Хозяева города, а с ними и последние из новоприбывших. Капитан и остальная команда; атташе; консулы и исследователи; может быть, пара-тройка новых иммигрантов; и, самое главное, немислимый новый посол.

Преамбула.

Иммерлетчица

0.1

В детстве в Послограде мы играли с монетами и полумесяцами железной стружки с монету толщиной из слесарных мастерских. Играли всегда в одном и том же месте, у одного и того же дома, среди горбатых улочек на задворках многоквартирных домов, где под листьями плюща переливались щиты рекламы. В тусклом свете, лившемся со старинных экранов, мы играли у стены, которую называли в честь предметов, служивших нам игрушками. Я помню, как закручивала волчком тяжелую монетку в два су и пела – орличек, покрутись, решечка, покажись, – пока она не падала орлом или решкой вверх, постепенно затихая. Та сторона, которая оказывалась наверху, в сочетании со словом, до которого я успевала добраться, вместе обозначали какую-то потерю или удачу.

Так и вижу, как я, сырой весной или летом, зажав в руке двухпенсовик, спорю с другими девчонками и мальчишками о том, как истолковать то или иное его

положение. Мы ни за что не согласились бы играть в другом месте, хотя тот дом, о котором, как и о его обитателе, рассказывали разное, иногда нагонял на нас страх.

Как любые дети, мы хорошо знали родной город, который изучали самозабвенно, настырно и своеобразно. На рынке нас интересовали не столько лотки с товарами, сколько уютная конурка, оставшаяся в верхней части стены после того, как оттуда выпали кирпичи и до которой мы все никак не могли дорасти. В детстве я не любила огромный камень, отмечавший границу города, некогда разбитый, а потом заново скрепленный известью (с какой целью, я тогда не знала), и библиотеку, зубцы и панцирь которой внушали мне опасения. Зато мы любили колледж, по гладкому пластоновому двору которого волчки и другие вертящиеся игрушки уносились на много метров вдаль.

Мы были настоящими сорванцами, и нам нередко грозили констебли, а мы отвечали им: «Все в порядке, сэр, мадам, нам просто надо...» – и мчались дальше. Мы проносились сквозь частую сеть горбатых, запруженных пешеходами улиц, мимо бездомных автомов Послограда, а вместе с нами или рядом с нами по крышам бежали звери, и, хотя мы иногда останавливались, чтобы влезть на дерево или вскарабкаться по старой лозе, рано или поздно мы все же достигали промежутка.

Здесь, на краю города, в суতোлке углов и разрывах площадей наших родных улиц уже проявлялась необыкновенная геометрия домов Хозяев; сначала изредка, дальше – больше, пока наконец наши постройки не исчезали вовсе. Конечно, мы пытались войти в их город, где улицы становились другими, а кирпичные, цементные и плазменные стены уступали место живым, из плоти и крови. Для меня эти попытки были серьезным делом, и лишь сознание того, что преуспеть в них все равно нельзя, успокаивало.

Мы состязались, подначивая друг друга зайти как можно дальше и оставить там знак. «За нами гонятся волки, надо бежать!» или «Кто зайдет дальше всех, тот визирь!» – говорили мы. В своей ватаге я держала третье место по заходам на юг. Там, где мы обычно это делали, висело переливавшееся очаровательными неземными цветами Хозяйское гнездо, державшееся скрипевшими от напряжения веревками мускул за ограду, которую Хозяева в каком-то приступе жеманства стилизовали под наш плетень. Я забиралась на него, а мои друзья свистели с перекрестка.

В моих детских снимках нет ничего неожиданного: то же лицо, что и сейчас, только не до конца сформировавшееся, те же недоверчиво поджатые губы, та же улыбка, так же косит глаз в моменты наивысшего сосредоточения, за что надо мной нередко смеются, то же поджарое тело вечной непоседы. Набрав полную грудь воздуха, я задерживала дыхание и шла сквозь смешанную атмосферу – сквозь неплотную, но вполне осязаемую границу, сквозь газовый проходной пункт, сквозь ветры – порождение наномашин и виртуозного атмосферного творчества – чтобы написать на белом дереве «Ависа». Однажды, бравируя, я хлопнула ладонью по живому якорю гнезда в том месте, где он переплетался с кольями ограды. Его плоть оказалась тугой, как тыква. Задыхаясь, я помчалась назад, к друзьям.

– Ты его коснулась. – Они сказали это с восхищением. Я смотрела на свою руку. Сейчас мы побежим на север, к золи, и сравним наши достижения.

Тихий, всегда с иголки одетый джентльмен жил в доме, у которого мы играли в деньги. Для местных он был источником беспокойства. Иногда он появлялся в самый разгар игры. Окинув нас взглядом, он поджимал губы, что могло означать как улыбку, так и неодобрение, потом поворачивался и уходил.

Нам казалось, будто мы понимаем, кто он. Мы, конечно, ошибались, но все, что нам было о нем известно, мы услышали в окрестностях его дома и считали его самого оскверненным, а его присутствие неуместным.

«Эй, – не раз говорила я своим друзьям, когда он появлялся, и показывала за его спиной пальцем. – Эй».

Когда хватало смелости, мы крались за ним по переулкам, вдоль зеленых изгородей, мимо которых он шел на реку, или на рынок, или к развалинам архива, или к Посольству. По-моему, раза два кто-то из нас от волнения выкрикивал что-то глумливое. Прохожие тут же одергивали нас.

– Имейте же уважение, – решительно сказал нам продавец измененных устриц. Поставив свою корзину с моллюсками на землю, он отвесил короткий подзатыльник Йогну, который как раз и крикнул. Взгляд разносчика был направлен джентльмену в спину. Помню, тогда я вдруг поняла, хотя и не смогла бы объяснить словами, что гнев прохожих направлен не только на нас, и те, кто

шикал нам в лицо, не одобряли, хотя бы отчасти, того человека.

– Им не нравится, что он там живет, – сказал в тот вечер дежурный отец, папа Бердан, когда я рассказывала ему об этом. Я несколько раз повторила эту историю отцу, описывала человека, которого мы преследовали со смущением и осторожностью, расспрашивала о нем. Я спросила, чем он не нравится соседям, а отец нерешительно улыбнулся и поцеловал меня перед сном. Я смотрела в окно и не спала. Я наблюдала за звездами и лунами, глядела на мерцание Руин.

Даты последующих событий я помню совершенно точно, ведь все началось сразу после моего дня рождения. В тот день я предавалась меланхолии, о которой мне теперь смешно даже вспоминать. Было уже за полдень. Стояло третье шестнадцатое сентября, доминдей. В полном одиночестве я размышляла о своем возрасте (тоже мне, Будда нашлась!), сидя у стены и запуская подаренные мне на день рождения монетки. Я слышала, как открылась дверь, но глаз не подняла, так что мужчина из того дома, должно быть, несколько секунд стоял и смотрел, как я играю. Осознав это, я с недоумением и тревогой взглянула на него.

– Девочка, – сказал он. И поманил меня рукой. – Пожалуйста, пойдем со мной. – Не помню, чтобы я всерьез задумывалась о бегстве. Мне казалось, что я могу только повиноваться.

Его дом ошеломил меня. Он состоял из одной длинной комнаты, где все было темным: громоздкая мебель, экраны, статуэтки. Повсюду что-то двигалось, автоматы делали свою работу. В нашей детской тоже были вьюнки, но они и отдаленно не напоминали эти жилистые, блестящие черными листьями синусоиды и спирали, такие контрастные на фоне стен, что они казались нарисованными. Кроме них на стенах были картины и плазминги, движения которых стали другими, едва мы вошли. На экранах в старинных рамках менялась информация. Духи величиной с ладонь двигались среди растений на трехмерной фотографии, похожей на перламутровую доску для игр.

– Твой друг. – Мужчина указал на диван. На нем лежал Йогн.

Я назвала его имя. Его ноги в ботинках пачкали обивку, глаза были закрыты. Он был весь красный и с присвистом дышал.

Я взглянула на мужчину, боясь, как бы он и со мной не сделал то же самое, что, видимо, сделал с Йогном. Избегая моего взгляда, он возился с какой-то бутылкой.

– Они принесли его ко мне, – сказал он. Он оглянулся, словно в поисках подсказки, как говорить со мной дальше. – Я вызвал констеблей.

Он посадил меня на табурет рядом с моим едва дышавшим другом и протянул мне стакан стимулирующего средства. Я с подозрением смотрела на него, пока он не отпил из него сам, а потом выдохнул, широко раскрыв рот, чтобы я убедилась, что он все проглотил. Потом он дал мне в руку бутылку. Я смотрела на его шею, на которой не было обруча.

Я пригубила то, что он мне дал.

– Констебли скоро будут, – продолжал он. – Я услышал, как ты играешь. Мне показалось, что ему будет легче, если рядом с ним будет друг. Который будет держать его за руку. – Я поставила стакан и сделала, как он говорил. – Скажи ему, что ты здесь, что все будет в порядке.

– Йогн, это я, Ависа. – После паузы я погладила Йогна по плечу. – Я здесь. С тобой все будет в порядке, Йогн. – Я и правда сильно за него волновалась. Подняв глаза, я ждала указаний, но человек только покачал головой и рассмеялся.

– Просто держи его за руку, и все, – сказал он.

– Что случилось, сэр? – спросила я.

– Они нашли его. Он слишком далеко зашел.

Бедняга Йогн очень плохо выглядел. Я поняла, что он сделал.

В нашей команде лишь один человек заходил на юг дальше Йогна. Это был Симмон, лучший из нас, но имя Йогна было написано на плетеном заборе на несколько шагов дальше, чем мое. Несколько недель я тренировалась задерживать дыхание все дольше и дольше, и мое имя все ближе и ближе

подползало к имени Йогна. Так что он, наверное, тоже стал тренироваться, тайком. И ушел слишком далеко от золи. Я представляла, как он задыхается, открывает рот и втягивает кислый едкий воздух межзонья, поворачивает назад и падает, отравленный токсинами и недостатком кислорода. Может быть, он несколько минут пролежал без сознания, вдыхая этот жуткий коктейль.

– Они принесли его ко мне, – повторил мужчина. И тут я пискнула, внезапно разглядев, что там шевелилось в тени огромного фикуса. Не знаю, как я с самого начала его не заметила.

Это был Хозяин. Он вышел на середину ковра. Я тут же вскочила, частично из уважения, которому меня учили с младых ногтей, частично от страха. Грациозно покачиваясь, Хозяин выступал во всей красе своего сложносочлененного тела. Кажется, он смотрел на меня: кажется, скопления раздвоенных кожных выростов, служивших ему глазами, начисто лишенными блеска, были обращены ко мне. Из его тела вытянулась и согнулась конечность. Я думала, что он тянется ко мне.

– Он ждет, когда мальчика заберут, – сказал мужчина. – Если он поправится, то только благодаря этому Хозяину. Скажи ему спасибо.

Я сказала, и человек улыбнулся. Он присел рядом со мной на корточки, положил руку мне на плечо. Вместе мы смотрели на необычно движущееся существо.

– Дорогая, – сказал он мягко. – Ты ведь знаешь, что он не слышит тебя? Или нет... слышит, но только как шум? Но ты хорошая девочка, учтивая. – Он протянул мне какую-то ненормально сладкую конфету для взрослых, которую взял из вазы на каминной полке. Я продолжала ворковать над Йогном, и не только потому, что мне так велели. Я боялась. Кожа моего бедного друга стала совсем незнакомой на ощупь, и его движения внушали беспокойство. Хозяин покачивался на своих ножках. Рядом с ним переминался с лапы на лапу компаньон, существо размером с собаку. Мужчина поднял голову, глядя туда, где, судя по всему, было лицо Хозяина. Не сводя с него глаз, мужчина смотрел на него с сожалением, или, может, это теперь мне так кажется из-за того, что я узнала потом.

Хозяин заговорил.

Конечно, я уже не раз видела таких, как он. Некоторые жили на том самом перекрестке, где мы осмеливались играть. Иногда мы даже сталкивались там с ними, когда они, четко, как крабы, перебирая ногами, шли по своим делам или даже бежали, выглядя при этом так, словно вот-вот упадут, но никогда не падали. Мы видели, как они ухаживали за живыми стенами своих строений или за тем, кого мы считали их домашними животными, шепчущими зверьками-компаньонами. В их присутствии мы резко умолкали и торопились прочь. При этом мы в точности воспроизводили все жесты вежливости, которым учили нас дежурные родители. Неловкость, одолевавшая нас в их присутствии и тоже подхваченная нами у родителей, пересиливала всякое любопытство, которое могли в нас вызвать странные действия Хозяев.

Мы слышали, как они говорят друг с другом, отчетливо выпевая свои интонации голосами, так похожими на наши. Повзрослев, мы начали понимать кое-что из их речи, но совсем немного, а я меньше всех.

Но я никогда не видела Хозяина совсем рядом. Страх за Йогна отвлекал меня от того, что я в противном случае наверняка испытала бы, находясь так близко к этому существу, однако я не теряла его из виду, чтобы не бояться, и, когда оно, покачиваясь, подошло ко мне вплотную, я резко отпрянула и перестала шепотом говорить с другом.

Он был не первым увиденным мною экзотерром. Среди обитателей Послограда были экзоты – несколько кеди, кучка шурази и другие – но, общаясь с ними, мы чувствовали себя немного странно, только и всего, тогда как Хозяева казались нам ужасно далекими, почти абстрактными. Один торговец шурази даже шутил с нами, и хотя акцент у него был чудной, его шутки были вполне понятны.

Позже я поняла, что те иммигранты относились к группам существ одной с нами концептуальной модели, в некотором роде. Хозяева же, аборигены, в чьем городе нам милостиво разрешили построить наш Послоград, были холодными, непостижимыми сущностями. Они напоминали богов младшего ранга, которые иной раз обращали свое внимание и на нас, словно мы были какой-то курьезной пылью, способной вызывать интерес; они же снабжали нас средствами для жизни, а говорить с ними могли только наши послы. Нам то и дело напоминали, скольким мы им обязаны. Встречая их на улицах, мы демонстрировали им все положенные знаки уважения и тут же, хихикая, убегали. Но одна, без друзей, я не сумела скрыть свой страх за глупым смехом.

– Оно спрашивает, все ли с этим мальчиком будет в порядке, – сказал мужчина. Он потер рот. – На разговорном языке это звучит примерно как «будет ли он потом бегать или остынет?». Оно хочет помочь. Оно уже помогло. Возможно, оно считает меня грубияном. – Он вздохнул. – Или умственно отсталым. Потому что я ему не отвечаю. Оно видит, что меня стало меньше. Если твой друг не умрет, то лишь потому, что оно принесло его сюда. Хозяин нашел его. – Я видела, что мужчина старается говорить со мной ласково. Было похоже, что он от этого отвык. – Они могут приходить сюда, но знают, что мы не можем выходить к ним. Они более или менее представляют себе, что нам нужно. – Он показал на зверька Хозяина. – Они заставили свои машинки вдуть в него кислород. С Йогном, наверное, все будет в порядке. Констебли скоро придут. Тебя зовут Ависа. Где ты живешь, Ависа? – Я ответила. – А как меня зовут, ты знаешь?

Я, конечно, слышала его имя. Только не знала, правильно ли будет ему об этом сказать.

– Брен, – решила я.

– Брен. Это неправильно. Ты это понимаешь? Ты не можешь произнести мое имя. Написать можешь, а произнести нет. Но теперь я и сам не могу его произнести. Так что сойдет и Брен. Оно... – Он посмотрел на Хозяина, который торжественно кивнул. – А вот оно может произнести мое имя. Только напрасно: я больше не могу с ним говорить.

– А почему они принесли его к вам, сэр? – Его дом был недалеко от того перекрестка, где упал Йогн, но и не близко.

– Они меня знают. Они принесли твоего друга сюда потому, что они, хотя и видят мой уменьшенный статус, все же узнают меня. Они говорят и, наверное, надеются, что я им отвечу. Я... наверное, я... сбиваю их с толку. – Он улыбнулся. – Все это глупо, я понимаю. Поверь мне, я хорошо это понимаю. Ты знаешь, кто я, Ависа?

Я кивнула. Теперь я, конечно, понимаю, что не имела тогда ни малейшего представления о том, кто он, и сомневаюсь, чтобы он сам это знал.

Наконец прибыли констебли с командой медиков, и комната Брена превратилась в импровизированную операционную. К Йогну подсоединили какие-то трубки,

его напичкали лекарствами, подключили к мониторам. Брен мягко отодвинул меня в сторону, чтобы я не путалась под ногами. Так мы и стояли бок о бок, я, Брен и Хозяин, а хозяйское животное пробовало на вкус мою ногу щекотным, точно перо, языком. Один из констеблей поклонился Хозяину, который в ответ пошевелил лицом.

– Спасибо, что помогла своему другу, Ависа. Возможно, с ним все будет в порядке. А мы с тобой скоро увидимся, я уверен. «Орличек, покрутись, решечка, покажись», так, кажется? – Брен улыбнулся.

Пока кто-то из констеблей провожал меня наружу, Брен стоял рядом с Хозяином. Тот компанейски приобнял его лапой. Мужчина не отстранился. Так они и стояли в учтивом молчании, и оба смотрели на меня.

В детской вокруг меня подняли шум. Даже после заверений констебля о том, что я ничего не натворила, дежурные родители продолжали подозревать, что я вляпалась в какую-нибудь историю. Но вели себя прилично, ведь они любили нас. Они видели, что я напугана. Да и могла ли я забыть трясущегося с головы до ног Йогна? И уж тем более нельзя было забыть присутствие Хозяина, такое близкое, звуки его голоса. А то, что было, вне всякого сомнения, признаками его особого внимания ко мне, и вовсе преследовало меня неотступно.

– Так, значит, кое-кто у нас выпивал сегодня со служителями? – дразнил меня дежурный отец, укладывая спать. Это был папа Шемми, мой любимый.

Позже, оказавшись вовне, я немного интересовалась разными способами ведения семейной жизни. Не помню, чтобы я или кто-то еще из послоградских детей испытывал какую-то особую ревность к тем из сверстников, кого время от времени навещали кровные родители: там это было не принято. Я никогда специально этим не занималась, но позднее неоднократно задумывалась о том, была ли наша система коллективных детских и дежурных родителей продолжением социальных практик основателей Послограда (Бремен долгое время с легкостью включал в свою сферу влияния разнообразные традиции) или она сложилась позднее. Возможно, из смутной социально-эволюционной симпатии к институту воспитания наших послов.

Не важно. Да, иногда о детских рассказывают всякие ужасы, но и вовне я слышала немало неприятного о людях, которые сами растили своих детей. У нас в Послограде тоже были свои любимцы и те, кого мы боялись, те, чьих дежурств мы ждали с нетерпением, и те, чьих не очень, те, к кому мы бегали за советом, за утешением, те, у кого мы подворовывали, и так далее; но все наши дежурные родители были хорошими людьми. Шемми я любила больше других.

- Почему людям не нравится, что мистер Брен живет там?

- Не мистер Брен, дорогая, просто Брен. Люди, не все правда, считают, что он не должен вот так запросто жить в городе.

- А что ты думаешь?

Он помолчал.

- По-моему, они правы. По-моему, так... не подходит. Для разделенных существуют особые места. - Я уже слышала это слово, от папы Бердана. - Приюты специально для них... Это неприятно видеть, Авви. Он странный. Ворчливый старый хрен. Бедолага. Но смотреть на это неприятно. Такая рана.

Это отвратительно, говорили позже некоторые из моих друзей. Научились у не самых либеральных родителей. Мерзкому старому черту место в приюте. Оставьте его в покое, говорила я. Он спас Йогна.

Йогн выздоровел. Происшествие с ним не остановило наших игр. Я продолжала заходить все дальше с каждой неделей, но отметки, оставленной Йогном, так и не достигла. Плод его опасного эксперимента, последний оставленный им след, на несколько метров превышал достижения любого из нас, причем первая буква его имени была написана коряво, дрожащей рукой.

- Тут я упал в обморок, - говорил он нам. - Чуть не умер. - После того случая он уже не мог заходить так далеко. Он остался вторым в память о приключившейся с ним истории, но теперь я могла его побить.

- Как пишется имя Брена? - спросила я папу Шемми, и он мне показал.

– Брен/Дан, – сказал он, ведя пальцем по слову: семь букв; четыре он произнес; три не умел.

0.2

Когда мне было семь лет, я покинула Послоград. Дежурные родители и братья и сестры по детской поцеловали меня на прощание. В одиннадцать я вернулась назад: замужней; не то чтобы богатой, но с кое-какими сбережениями и даже собственностью; умеющей драться, повиноваться приказам и нарушать их, когда следует; и погружаться.

Я научилась довольно прилично делать много разных вещей, но по-настоящему отличалась лишь в одном. И это было не насилие. Драки – всего лишь привычный риск припортовой жизни, и за годы жизни вовне я не намного чаще оказывалась побежденной, чем победительницей. Я выгляжу сильнее, чем я есть на самом деле, я всегда была торопыгой и, как многие посредственные драчуны, лучше владею техникой устрашения, чем собственно боя. Мне удавалось избегать столкновений, не празднуя труса в открытую.

В деньгах я мало понимаю, но скопить кое-что мне удалось. Не буду делать вид, будто моя сильная сторона – семейная жизнь, хотя и в этом я оказалась не хуже многих. У меня были, по очереди, два мужа и жена. Мы расставались, когда у кого-либо из нас менялись пристрастия, без всякой обиды, – я же говорю, семейная жизнь неплохо мне удается. Скайл был моим четвертым супругом.

Как иммерлетчица я дослужилась именно до тех чинов, к которым стремилась, – тех, которые давали положение и достаток, не налагая в то же время серьезных обязательств. В этом и была моя самая сильная сторона: в разработанной мною жизненной стратегии, объединявшей умение, удачу, нахальство и лень, – то, что мы называем словечком флокинг.

Думаю, что сами иммерлетчики его и выдумали. В каждом из нас сидит флокер. Словно черт на загривке. Не все члены команды стремятся к тому, чтобы овладеть этой техникой, – есть те, для кого главное быть капитаном или исследователем – но для большинства флокинг неотъемлемая часть профессии. Некоторые люди считают, что это обычное ничегонеделание, на самом деле это

куда более активная и хитроумная позиция. Флокеры не боятся работы: начнем с того, что многим членам команды приходится изрядно повкалывать, чтобы их взяли на борт. Как мне.

Думая о своем возрасте, я все еще меряю его годами, хотя после стольких лет странствий пора бы уже и перестать. Это дурной тон, и жизнь на корабле должна была отучить меня от этого.

– Лет? – орал на меня один из моих первых офицеров. – Да мне насрать на то, какие там сидерические выкрутасы приняты на твоей занюханной планете, ты мне скажи, возраст у тебя какой?

Отвечай в часах. Отвечай в субъективных часах: офицерам плевать, замедляешь ты их по отношению к тому, что принято на твоей занюханной планете, или нет. Никого не волнует, какова длина года в том месте, где ты росла. А потому я покинула Послоград, когда мне было около 170 килочасов. Когда мне стукнуло 266 кч, я вернулась с мужем, сбережениями и кое-какими навыками.

Мне было уже почти 158, когда я узнала, что могу погружаться. И тогда я сразу поняла, что буду делать дальше, и сделала это.

Я отвечаю в субъективных часах; объективные держу в уме; я думаю в годах, принятых на моей планете, где сам принцип измерения времени связан с традициями другого места. Все это не имеет никакого отношения к Терре. Я как-то встречала одного молоденького иммерлетчика из такой глубокой дыры, что не знаю, как и сказать, где она находится, так вот он вел все расчеты в том, что сам называл «земными годами», дурачок. Я спросила его, был ли он сам в том месте, по календарю которого живет. И, конечно, оказалось, что он не лучше меня представляет, где это.

С возрастом я осознала, что во мне самой нет ничего особенного. То, что произошло со мной, случается далеко не с каждым обитателем Послограда – это верно, – но сама история была вполне заурядной. Я родилась в городе, который на протяжении тысяч часов считала целой вселенной. Потом я вдруг узнала, что вселенная куда больше, но вырваться на ее просторы я не смогу; а потом у меня появился шанс. Классика жанра – такую историю может рассказать вам кто

угодно, не обязательно человек.

Вот еще одно воспоминание. Мы играли в погружение: надо было подкрасться к кому-то сзади так, чтобы остаться незамеченным, а потом вдруг заорать «Ныряй!» и схватить его руками. Мы мало что знали о погружении тогда, и наш сценарий, как мне позднее довелось понять, был лишь немногим страннее представлений о том же самом большинства взрослых.

Вся моя юность размечена двойным пунктиром прибывавших по очереди кораблей и миабов. Небольшие коробочки со всякой всячиной, без команды запущенные в пространство. Многие терялись в пути: как я потом узнала, навеки превращались в источники опасности разных форм и размеров, застряв в иммере, пересечь который так и не смогли. Но большая их часть все же достигала нас. Когда я стала старше, к волнению, с которым я ждала каждого такого прибытия, примешивалась злость, зависть, пока я наконец не поняла, что тоже вырвусь наружу. Тогда миабы превратились в намеки: призрачные шепотки.

В четыре с половиной года я видела поезд, который вез через город только что приземлившийся миаб. Как почти всем детям и многим взрослым, мне всегда хотелось самой видеть их приземления. Мы целой толпой пришли из детской, за нами смотрела и слегка нас сдерживала мама Квиллер – кажется, это была она, – а мы, дети постарше, надзирали за детишками помоложе. Нам удалось занять места у самых перил, вдоль них мы и вытянулись всей группой, лишь слегка разбавленной взрослыми, и болтали о прибытии.

Как всегда, миаб поместили на колоссальную платформу, и биоробот-локомотив, который волок ее по широкой просеке рельсовых путей в индустриальной зоне Послограда, пыхтел, толкаясь временными мускулистыми ногами в помощь работающему на пределе возможностей двигателю. Лежавший на спине миаб был больше главного зала в нашей детской. Самый настоящий контейнер, формой напоминавший курносую пулю, двигался под морозящим дождем. Его поверхность лоснилась, испуская струйки пара, которые, тонкими нитями поднимаясь над его кристальным защитным слоем, истаявали в ничто. Власти проявили безответственность, как я теперь понимаю, не дав этой пропитанной иммером поверхности успокоиться. Это был не первый миаб, который привозили в город еще сырым после долгого пути.

Я видела, как мимо проволокли дом. Вот на что это было похоже. Локомотив-гигант натужно свистел, машинисты заманивали его все дальше и дальше. Огромную комнату втаскивали на вершину холма к посольскому замку в окружении жителей, которые приветствовали ее, радостно крича и размахивая лентами. Комнату сопровождали кентавры: мужчины и женщины верхом на четвероногих биологических устройствах. Редкие горожане-экзоты тоже пришли посмотреть и стояли рядом со своими друзьями-терранцами: кеди топорщили шейное оперение, которое меняло цвет, шурази и паннегетчи издавали звуки. Были в толпе и автомы: от простых колченогих ящичков до хитроумных приспособлений тюрингского производства, выглядевших как активные участники встречи.

Внутри беспилотного корабля должен был лежать груз, подарки нам из Дагостина, а может, и из более далеких мест, импортные вещи, которых мы вождедели, программы для чтения и книги, программы новостей, редкая еда, техника, письма. Снаряд потом тоже растащат на запчасти. Я и сама регулярно посылала наружу разные вещи, когда снаряжались наши, куда более скромные, ежегодные миабы. Они увозили продукцию местных кузнецов и официальные документы (все тщательно скопированные перед отправкой – никто не верил в то, что хотя бы один миаб достигнет места назначения), и в каждом выделялось немного места для писем, которые дети посылали своим друзьям по переписке вовне.

– Миаб, миаб, послание в бутылке! – напевала мама Бервик, собирая наши письма. «Дорогой класс 7, Баучерч Хай, Чаро Сити, Бремен, Дагостин», помню, выводила я на конверте. «Жаль, что я не могу прилететь к вам в гости вместе со своим письмом». Краткие вспышки эпистолярного урагана, так редко настигавшего нас.

Следуя вдоль одного из водных путей, которые мы называли реками, хотя они были искусственного происхождения, миаб нырнул под Опорный мост. Я помню, что на нем были Хозяева с делегацией служащих посольства, которые стояли и смотрели вниз, сквозь витражные порталы моста, а по бокам от них возвышались на своих четвероногих живых машинах наши охранники.

Процессия уже ушла далеко вперед, когда безбилетный пассажир вырвался из миаба, но я видела все в записи. Дорога как раз шла между жилых домов с восточной стороны и садов для животных на западе, когда раздался первый треск. Случись это на километр дальше, в окружающих посольство кварталах с

их густой застройкой и подвесными пешеходными мостиками, все было бы куда хуже.

Судя по сохранившимся записям, в толпе были те, кто сразу понял, что происходит. Треск нарастал, на его фоне усиливались крики, одни люди пытались предостеречь других. Кто-то из тех, кто понял, бросились бежать. Мы, дети, наверняка просто стояли, выпучив глаза, хотя мама Квиллер без сомнения делала все возможное, чтобы отогнать нас оттуда. Слышен звук, который производила керамическая оболочка миаба, изгибаясь вопреки всем законам механики Ньютона. Люди перевешивались через перила, чтобы разглядеть происходящее; но толпа заметно поредела.

Миаб лопнул, коварно рассылая осколки корпусного вещества высоко в воздух. Безбилетник из иммера вырвался наружу.

Таксономия не точна. Почти все специалисты сходятся во мнении, что вырвавшаяся в тот день из миаба тварь была лишь малым проявлением, тем, что я позже буду называть словечком «живулька». Сначала это был лишь намек на силуэт, сложенный из углов и теней. Он аккумулировался из окружающего, проявлял себя в преходящем. Кирпичи, пластон и цемент зданий, энергия клеток и плоть содержащихся в них зверей выплеснулись из садов и устремились, вопреки все законам физики, к плывущему по воздуху силуэту. Они овеществили его. Дома словно сбрасывали шляпы, когда их крыши, один кусок черепицы за другим, стекали с них набок и вливались в сущность, которая с каждой минутой становилась все более материальной, все более приспособленной к реальности происходящего.

Его быстро загасили. Забили из пушек времени, которые с яростью насаждают посястороннее, привычное, повседневное в противовес вечному из иммера. Повизжав несколько минут, тварь была изгнана или уничтожена.

К счастью, никто из Хозяев не пострадал. Однако были десятки других мертвых. Одних убило взрывом; другие уменьшились, частично перетекли в пришельца. С тех пор, поднимая миабы, служители неукоснительно соблюдали правила безопасности, которыми прежде иногда пренебрегали. По нашему три-дэ-видению показывали их регулярные споры, гнев и злость. Тот, кого тогда с позором выгнали со службы, оказался козлом отпущения всей системы. Молодой,

лихой и недисциплинированный посол ДалТон так и заявил об этом в камеру в порыве гнева, и я помню, как обсуждали его слова родители. Папа Нур даже сказал мне, что после этой катастрофы торжественным встречам миабов вообще придет конец. Но он, конечно, ошибся. Он всегда мрачновато смотрел на жизнь.

Разумеется, мы, ребяташки, были просто одержимы случившейся трагедией. Не прошло и нескольких дней, а мы уже повторяли ее в играх, подражая треску рассыпающейся скорлупы миаба, бульканью пришельца из иммера, стреляя из пальцев и палочек в тех, кому временно выпадала роль монстра. «Живулька» стала для меня чем-то вроде поверженного дракона.

Есть такое мнение, вроде клише, будто иммерлетчики не помнят своего детства. Это, как вы видите, неверно. Люди говорят так только для того, чтобы подчеркнуть чужеродность иммера; дать понять, что в этой основополагающей инореальности есть нечто такое, отчего человеческие мозги становятся наперекосяк. (Не в прямом, конечно, смысле, но почти.)

Это неверно, но, с другой стороны, и я сама, и почти все знакомые мне иммерлетчики имеют действительно отрывочные, или смутные, или вывернутые воспоминания о том времени, когда мы были детьми. Я не думаю, что тут есть какая-то мистика: по-моему, все дело в устройстве наших мозгов, в том, как думаем мы, те, кому хочется вырваться наружу.

Я очень хорошо помню отдельные эпизоды, но именно эпизоды, а не всю цепь событий. Самые важные, решающие моменты. Все остальное хранится в моей голове в виде какого-то хаоса, и я, в общем-то, не против. К примеру: был в моем детстве еще один случай, когда я снова оказалась в компании Хозяев. Однажды утром третьего подмесяца июля меня вызвали на встречу.

За мной прислали папу Шемми. Сжимая мою руку повыше локтя, он привел меня в один из рабочих закутков нашей детской, заваленный бумажными и виртуальными свидетельствами труда. Комната принадлежала маме Солфер, и я никогда не бывала в ней раньше. Техника там была в основном терранская, хотя в углу тихонько жевала мусор приземистая биоробот-корзина. Солфер была немолодой, доброй, рассеянной, меня знала по имени – привилегия, которая распространялась отнюдь не на всех моих братьев и сестер. Жестом она велела мне подойти ближе, явно испытывая какую-то неловкость. Она встала,

оглянулась, точно ища диван, которого в комнате не было, и села опять. За одним столом с ней – довольно смешно, если вдуматься, ведь стол был явно маловат для двоих, – сидел папа Реншо, относительно новый, вдумчивый, похожий на учителя дежурный отец, который улыбался мне; и, к моему изумлению, третьим, кто ожидал встречи со мной, оказался Брен.

После истории с Йогном прошел почти год, то есть 25 килочасов, и с тех пор ни я, ни кто-либо еще из нашей компании не возвращался к тому дому. Я, разумеется, выросла, большинство моих братьев и сестер тоже, но стоило мне войти в комнату, как Брен тут же улыбнулся мне, узнал. Он-то почти не изменился. Даже одежда на нем была как будто та же.

Мама пошевелилась. Хотя она и все остальные сидели по одну сторону стола, а я на жестком взрослом стуле, который она мне указала, по другую, то, как она повела бровями, глядя на меня, неожиданно открыло мне, что мы с ней заодно в этой истории, какая бы странность ни приключилась.

Мне, разумеется, заплатят, сказала она (позднее выяснилось, что на мой счет была переведена довольно крупная сумма); это совершенно безопасно; это большая честь. Я ничего не понимала. Вмешался папа Реншо. Он повернулся к Брену и сделал ему знак.

– Ты понадобилась, – сказал мне Брен. – Вот и все. – Он развел руки ладонями наружу, как будто их пустота сама по себе свидетельствовала о чем-то. – Ты понадобилась Хозяевам, и по какой-то причине они опять решили действовать через меня. Они что-то готовят. Планируются дебаты. Кто-то из них убежден, что сможет доказать свою правоту путем... путем сравнения. – Он умолк, желая убедиться, что я его понимаю. – Они... вроде как придумали его. Но события, которые оно описывает, еще не произошли. Ты понимаешь, что это значит? Они хотят сделать его произносимым. Поэтому им нужно его организовать. Буквально. А для этого им нужна живая девочка. – Он улыбнулся. – Теперь ты понимаешь, почему я попросил позвать тебя. – Наверное, у него больше не было знакомых детей.

Брен улыбнулся, наблюдая движения моего рта.

– Вы... хотите, чтобы я... сыграла стилистический прием? – выговорила я, наконец.

– Это честь! – вставил папа Реншо.

– Это действительно честь, – сказал Брен. – И я вижу, что ты это знаешь. «Сыграла»? – Он помотал головой, как будто говоря «да» и «нет» одновременно. – Не буду тебя обманывать. Будет больно. И не слишком приятно. Но я обещаю, что ничего страшного с тобой не случится. Обещаю. – Он наклонился ко мне. – И еще ты сможешь на этом заработать, как и сказала твоя мама. И. Еще. Ты получишь благодарность служителей. И послов. – Реншо вскинул на меня глаза. Я была уже достаточно взрослой, чтобы понимать, в какой форме она может выразиться. К тому времени я уже имела представление о том, чем я хочу заняться, когда стану старше, а потому доброе отношение служителей мне бы не помешало.

Еще я дала тогда согласие потому, что надеялась попасть в город Хозяев. Но этого не случилось. Хозяева сами пришли к нам, в ту часть Послограда, где мне не доводилось бывать раньше. Меня отвезли туда на корвиде – это был первый в моей жизни полет, но я так волновалась, что не получила от него никакого удовольствия, – в сопровождении теперь уже не констеблей, а агентов службы безопасности посольства, чьи тела покрывали едва заметные выступы различных приращений и технических штук.

Кроме них, со мной не было никого, ни одного родителя, только Брен, хотя он и не занимал никакой официальной должности при посольстве. (Это я узнала позже.) Просто тогда ему еще доверяли разные неформальные поручения, какие обычно давали служителям. Он старался быть со мной добрым. Помню, мы летели вдоль окраин Послограда, и я впервые в жизни увидела истинный размер тех колоссальных глоток, сквозь которые к нам попадали биороботы и припасы. Их коленчатые, мокрые и теплые трубы уходили на многие километры вдаль от наших границ. Я видела над городом и другие суда: это были биороботы, старые машины с Терры и химеры.

Мы приземлились в заброшенном квартале, который никто не позаботился снять с сетки. Хотя квартал был почти пуст, улицы освещали вечные неоновые и тридэ духи, которые танцевали над нашими головами, рекламируя давно закрытые рестораны. В развалинах одного такого заведения нас ждали Хозяева. Их сравнение, как меня предупредили, требовало, чтобы я осталась с ними один на один, и Брен ушел.

При этом он слегка покачал головой, словно мы с ним соглашались в том, что происходящее отдает абсурдом. Он шепнул мне, что это не займет много времени и что он будет меня ждать.

Происшествие в том заброшенном обеденном зале с осыпающимися стенами ни в коем случае не было самым худшим, болезненным или неприятным из всего, что мне когда-либо довелось испытать. С этой точки зрения оно было вполне терпимым. Однако события более непонятного не случалось за всю мою жизнь ни до, ни после того. Я даже удивилась, до какой степени меня это расстроило.

Долгое время Хозяева вообще не обращали на меня внимания, увлеченно копируя какие-то движения. Они поднимали дающие плавники, делали шаг вперед, потом назад. Я чувствовала исходящий от них сладкий запах. Мне было страшно. Я готовилась: качество сравнения зависело от того, насколько точно я сыграю свою роль. Они заговорили. Я поняла лишь самую малость, выхватывая из сказанного то одно, то другое знакомое слово. Вслушиваясь в наплывающие друг на друга шепоты, я ждала одного слова – «она» – и, когда оно прозвучало, я вышла вперед и сделала то, что им было нужно.

Теперь я знаю, что сделанное мною тогда называется диссассоциацией. Я наблюдала за всем, что происходило, в том числе и за собой. Мне не терпелось, чтобы все поскорее кончилось; я ничего не чувствовала, никакого усиления связи между Хозяевами и мною. Я только наблюдала. Выполняя действия, необходимые для того, чтобы потом они могли произносить свое сравнение, я думала о Брене. Он, разумеется, не мог больше говорить с Хозяевами. Событие организовало посольство, и я считала, что бывшие коллеги Брена, послы, наверное, были рады дать ему возможность помочь. Но поручили они ему какую-нибудь настоящую работу или нет, я не знаю.

Когда все кончилось и я вернулась в юношеский центр, друзья накинулись на меня, требуя подробностей. Мы ведь были дикие, как все послоградские дети.

– Ты была с Хозяевами? Круто, Авви! Честно? Честно, как Хозяин?

– Честно, как Хозяин, – произнесла я подходящую случаю клятву.

– Ничего себе. А что они делали? – Я показала синяки. Мне и хотелось и не хотелось говорить об этом. Постепенно я полюбила пересказывать то происшествие, привирая и приукрашивая его. Оно много дней выделяло меня среди остальных.

Другое следствие оказалось важнее. Два дня спустя папа Реншо отвел меня к Брену. Я не была в его доме с того случая с Йогном. Брен улыбнулся, поздоровался и повел меня внутрь, где я впервые в жизни повстречала послов.

Одежды красивее, чем у них, я никогда ни у кого не видела. Их обручи сверкали, их огоньки мигали в одном ритме с полями, которые они генерировали. Я была потрясена. Их было трое, и в комнате стало очень тесно. Тем более что позади них, двигаясь из стороны в сторону, перешептываясь то с Бреном, то с кем-то из послов, находился автомат, компьютер с сегментированным корпусом, женское лицо которого оживлялось с каждой сказанной фразой. Я видела, что послы стараются тепло говорить со мной, ребенком, как раньше старался Брен, но опыта им не хватает.

Женщины постарше спросили:

– Ависа Беннер Чо, верно? – Голос у них был изумительный, величественный. – Подойди. Сядь. Мы хотим поблагодарить тебя. Мы думаем, тебе следует услышать, как тебя канонизировали.

Послы заговорили со мной на языке Хозяев. Они произносили меня: они говорили меня. Они предупредили меня, что прямой перевод сравнения окажется неточным и обманчивым. Одна человеческая девочка, которая, преодолевая боль, съела то, что ей дали, в комнате, предназначенной для еды, где давно никто не ел.

– Со временем оно сократится, – сказал мне Брен. – Скоро тебя будут говорить как девочку, которая съела то, что ей дали.

– Что это значит, скажите, пожалуйста?

Они качали головами, поджимали губы.

– Не имеет значения, Ависа, – сказала одна из них. Она пошептала с компьютером, и я видела, как опустилось в кивке созданное им для себя лицо.

– Кроме того, это все равно будет неточно. – Я спросила еще раз, иначе, но они больше не желали об этом говорить. И все поздравляли меня с тем, что я стала частью Языка.

Дважды за время моего отрочества я слышала, как говорят меня, мое сравнение: один раз это был посол, другой – Хозяин. Годы, тысячи часов спустя после того, как я исполнила это сравнение, мне его, наконец, вроде как объяснили. Передача, конечно, грубовата, но, по-моему, им пользуются с некоторой долей удивления и иронии, когда хотят выразить обиду и подчинение судьбе.

За все мое детство и юность я больше ни разу не говорила с Бреном, но, как я выяснила, он приходил к моим дежурным родителям еще раз. Уверена, что именно моя помощь в создании фигуры речи и неявное покровительство Брена помогли мне пройти экзамены. Я много занималась, но интеллектуалкой не была никогда. Я обладала качествами, необходимыми для иммерлетчика, но не больше, чем остальные, кто экзаменовался со мной, и даже меньше, чем иные из тех, кто не прошел. Карты на выезд получили немногие гражданские и те из нас, кто проявил способность путешествовать в иммере, не впадая в сон. Не было никаких особых причин, почему несколько месяцев спустя, когда все тесты были пройдены и мои способности признаны, мне все же дали право покинуть мой мир и выйти вовне.

0.3

Каждый учебный год во втором подмесяце декабря устраивались испытания. В основном для того, чтобы установить, что мы узнали за год занятий; но отчасти с целью выявить более редкие способности. Мало кто из нас обладал дарованиями, столь высоко ценимыми в других местах, снаружи. Нам говорили, что мы, послоградские, не той породы: у нас неправильные мутагены, неподходящий аппарат, да и стремления к высокому не хватает. Многие дети к самым заковыристым экзаменам даже готовиться не стали, но мое стремление держать их нашло поддержку. Полагаю, это значит, что мои учителя и дежурные родители видели во мне какие-то задатки.

С большинством предметов я справилась на «отлично»; «хорошо» получила по риторике и творческому заданию по литературе, что меня порадовало, а также за чтение стихов. Но оказалось, что наиболее выдающиеся результаты я, сама того не подозревая, показала в испытаниях, об истинной цели которых даже не догадывалась. Я разглядывала задания на экране причудливого плазменного монитора. Каждое нужно было выполнять по-своему. Вся процедура занимала около часа и походила на игру, так что скучно мне не было. Я перешла к следующим заданиям, которые проверяли не знания, а реакции, интуицию, контроль внутреннего уха, нервозность. Их главной целью было выявление потенциальных иммерлетчиков.

Проводившая эти испытания женщина, молодая, в модной снаружи шикарной одежде, взятой взаймы, выменянной или выпрошенной у бременских служащих посольства, просмотрела вместе со мной мои результаты и объяснила мне, что они означают. Я видела, что они произвели на нее кое-какое впечатление. Без жестокости, но настойчиво, желая уберечь меня от возможных будущих огорчений, она повторяла мне, что выводы делать рано и что это лишь первая ступень из многих. Но пока она мне все это объясняла, я уже решила, что стану иммерлетчицей, и стала. Тогда я только начинала ощущать узость Послограда, брюзжать на его тесноту, но после результатов экзамена мое нетерпение усилилось.

Став старше, я обманными путями добывала себе пригласительные билеты на Балы Прибытия, где втиралась в компанию мужчин и женщин извне. Кажущееся безразличие, с которым они перебрасывались названиями стран и планет, будило во мне удовольствие и зависть.

Лишь килочасы, или годы спустя, я поняла, что моя судьба вовсе не была предначертана заранее. Что многие студенты, более способные, чем я, потерпели поражение; что и у меня могло не получиться улететь. Моя история была типична, как волшебная сказка, их сюжеты были более просты и правдивы. От этой случайности меня даже затошнило, как будто я все еще могла провалить экзамен и остаться, хотя я давно уже жила вовне.

Даже те, кто никогда не погружался, уверены, что знают – по крайней мере, представляют себе, как они говорят, – что такое иммер. Ничего подобного. Однажды мы поспорили об этом со Скайлом. Во время нашего второго разговора (первый был о языке). Он полез со своими суждениями, а я ответила, что меня не

интересует, как привязанный к земле представляет себе иммер. Мы лежали в постели, и он поддразнивал меня, пока я распространялась о его невежестве.

– О чем ты? – сказал он. – Ты же сама не веришь в то, что говоришь; ты слишком умна для этого. Ты просто травмишь мне ваши иммерлетчицкие байки. Знаем, слышали. «Никто, ни ученые, ни политики, а уж тем более чертовы гражданские, не понимают этого так, как мы!» Любите вы нос задирать. Только чтобы отбить у людей охоту лезть в ваши дела.

Я даже расхохоталась, так он кипятился. И все же, сказала я ему, все же иммер неопишум. Но он и тут стал со мной спорить.

– Никого ты этим не обманешь. Думаешь, я не прислушивался к тому, как ты говоришь? Знаю, знаю, твое дело не болтовня, ты же у нас простой флокер, бла-бла-бла. Как будто ты не читаешь стихов, а язык принимаешь как данность. – Он покачал головой. – Короче, если все будут рассуждать так, как ты, я скоро без работы останусь. «Неопишум», как же. Ничего неопишумого не бывает.

Я прижала ладонь к его рту. Тем не менее, так оно и есть, сказала я ему.

– Пусть считается, – продолжал он говорить сквозь мои пальцы все тем же лекторским тоном, хотя и глухо, – что слова не могут быть референтами, тут я с тобой согласен, в этом трагедия языка, однако наши асимптотические попытки их употребления тоже нельзя сбрасывать со счетов. – Я сказала ему, чтобы он заткнулся. Сказала, что это правда и что я говорю это ему, как Хозяин.

– Ну что ж, – ответил он. – Перед лицом истины отступаю.

Я долго изучала иммер, и все же мое первое погружение в него невозможно описать, и я на этом настаиваю. Вместе с горсткой других членов команды и иммигрантов, получивших карты на вылет, а также со служителями посольства из Бремена, которые, закончив дела, возвращались домой, меня привезли к моему кораблю на кече. Мое первое назначение было на «Осу Колькаты». Этот квази-автономный корабль-город, погружавшийся под собственным флагом, был зафрахтован на один рейс Дагостином. Помню, как я вместе с другими новичками стояла в называвшемся «вороньим гнездом» наблюдательном пункте и следила за тем, как огромной стеной проплывала мимо нас Ариека, пока наш корабль медленно и осторожно двигался по небу в точку, откуда начнется наше

погружение. Там, под иллюзорно неподвижным облачным пологом ее неба, остался Послоград.

Штурман подвел нас вплотную к Руинам. Разглядеть их было трудно. Сначала они походили на линии, прочерченные в пространстве, и вдруг мгновенно облеклись скудной плотью. Она то редела, то вновь уплотнялась. Оказалось, что в поперечнике они имеют несколько сот метров. Руины вращались, каждый их выступ двигался, причем согласно собственной программе, вся их капельно-решетчатая филигранная структура описывала сложную спираль.

По строению Руины напоминали «Осу», но были не в пример древнее и казались в несколько раз больше. Было похоже, что они – это оригинал, а мы – их уменьшенная копия, пока вдруг они не повернулись к нам другой плоскостью и не стали меньше, или просто отделились. Они то совсем скрывались из виду, то показывались отчасти.

Офицеры, блестя подкожными приращениями, напомнили нам, новичкам, о том, что мы собираемся делать, и о том, чем опасно погружение. Они, Руины, демонстрируют это и то, почему Ариека так и осталась аванпостом, недоступным, недоразвитым, лишенным спутников после той первой катастрофы.

Я бы действовала профессионально. Да, я готовилась к своему первому погружению, но я выполнила бы все приказы и думаю, что не допустила бы ни одной ошибки. Но офицеры помнили, что значит быть новобранцем, и посадили нас, кучку неопытных иммерлетчиков, в кресла наблюдателей. Сидя в них, мы могли реагировать, когда нужно, однако никакое количество тренировок не гарантировало нас от тошноты в самый первый раз. Когда выдавалась свободная минута и можно было понаблюдать и предаться восхищению, мы предавались восхищению. В иммере есть течения и грозные фронты. В иммере есть отрезки, пересечь которые можно, обладая лишь бесконечным умением и почти бесконечным временем. Именно техники, которыми я владею сейчас, плюс соматический контроль, мантрическая отрешенность и инструментализированный прозаизм, которые сделали из меня иммерлетчика, позволяют иммерлетчикам сохранять ясное сознание и работоспособность при погружении.

По карте до Дагостина или любого другого центра не так уж много миллиардов километров. Только этими Евклидовыми звездными картами пользуются лишь

космологи, некоторые экзотерры с непонятной нам физикой да религиозные номады, мучительно дрейфующие на скоростях, не достигающих скорости света. Я была потрясена, когда увидела их впервые, – в Послограде карты не были общедоступными – однако к путешественникам вроде меня они вообще не имеют отношения.

Взгляните лучше на карту иммера. Перед вами огромная изменчивая сущность. Вы можете тянуть ее, вращать, измерять ее проекции. Разглядывайте этот световой фантом как угодно, и даже с учетом того, что это будет плоское или трехмерное воспроизведение топоса, который противится нашим попыткам его понять, ситуация все равно будет качественно иной.

Пространство иммера не совпадает с измерениями обыденного, с тем миром, в котором мы живем. Самое точное, что можно о нем сказать, это что иммер подстилает нашу действительность или покрывает ее, пропитывает, служит основой, соотносится с ней, как язык с речью, и так далее. Здесь, в повседневном, в мире световых десятилетий и петаметров, Дагостин куда дальше отстоит от Тарска и Ходжсона, чем от Ариеки. Но в иммере от Дагостина до Тарска всего несколько сотен часов при хорошем ветре; Ходжсон лежит в центре спокойных и густо населенных глубин; а от Ариеки вообще никуда не добраться, так она далека.

Она за порогами, там, где неистовые течения иммера сшибаются друг с другом, там, где материя повседневного прорывается в вечное, образуя отмели, коварные выступы и банки. Она одиноко притулилась на самом краю познанного иммера, насколько он вообще может быть познан. Без опыта, отваги и умения иммерлетчиков никто никогда не попал бы в мой мир.

При первом же взгляде на его карты становится ясно, почему так суровы выпускные экзамены, которые мы сдавали. На одних способностях там далеко не уедешь. Политика исключения тоже, конечно, имеет место: понятно, что бременцы хотят держать нас, послоградцев, под строгим контролем; и все равно лишь самая умелая команда может спокойно добраться до Ариеки или улететь с нее. Некоторым из нас вставляли специальные разъемы, чтобы подключаться к повседневным программам корабля, иммер-программы и приращения тоже помогали; но их одних недостаточно, чтобы сделать из человека иммерлетчика.

Послушать офицеров, так могло показаться, будто остов Пионера, который мне пришлось перестать называть Руинами, когда я узнала, что это не звезда, а гроб

для моих коллег, был своего рода предупреждением лентяям. Но это было бы несправедливо. Пионер застрял между двумя мирами вовсе не потому, что его экипаж или офицеры недооценили иммер: напротив, осторожность и уважительное отношение исследователей привело к катастрофе. Как и многие другие корабли на торных путях иммера, он попал в ловушку, когда все только начиналось. Его заманило на верную гибель то, что люди считали посланием, зовом.

Когда иммернавты впервые подрезали сухожилия обычному пространству, среди многих поразивших их феноменов был и тот, что все они, хотя и пользовались достаточно примитивными инструментами, регулярно получали сигналы откуда-то из непространства. Четкие и явственные, они могли быть посланы только разумными существами. Иммернавты пытались добраться до их источников. Долгое время считалось, что недостаток навыков, отсутствие опыта погружений постоянно приводили к крушениям кораблей, отправлявшихся на такие поиски. Раз за разом они превращались в руины, застряв на полпути из иммера в материальную повседневность.

Пионер был потерей времен, предшествовавших пониманию того, что сигналы посылали маяки. Это был не зов. То, что манило к себе корабли, на деле было предупреждением: не приближайтесь.

Итак, маяки расставлены по всему иммеру. Не все опасные зоны отмечены ими, но все же. Похоже, что их возраст равен возрасту этой вселенной, которых тоже было несколько. Молитва, которую часто шепчут иммерлетчики перед погружением, обращена к тем неведомым, кто их поставил. Милостивые Фаротектоны, храните нас.

Фарос Ариеки я впервые увидела не тогда, а много тысяч часов спустя. Точнее говоря, я его, конечно, не видела, да и не могла увидеть; для этого понадобился бы свет, отражение и иная физика, которой нет в иммере. Но я видела представление о нем, переданное окнами корабля.

Специальное оборудование в корабельных иллюминаторах рисует иммер и все, что в нем есть, в образах, доступных восприятию команды. Я видела маяки похожими на сложные узлы, на контуры, заполненные перекрестной штриховкой. Когда я возвращалась в Послоград, капитан корабля, на котором я

летела, сделал мне подарок: перевел оборудование иллюминаторов в режим картинки – приближаясь к заусенцам иммера, за которыми начиналась штормовая зона, окружающая Ариеку, я увидела луч света во фрактале темноты, луч двигался к нам, поворачиваясь вместе со своим источником. И когда посреди непространства мы увидели маяк, он оказался кирпичным, с вершиной из стекла и бронзы.

Я рассказала об этом Скайлу при нашей первой встрече, и Скайл, которому вскоре суждено было стать моим мужем, захотел, чтобы я описала свое первое погружение. Конечно, он и сам путешествовал в иммере – он не был уроженцем того мира, где мы с ним делили постель, – но, как пассажир скромного достатка и ограниченной выносливости, спал все время пути. Хотя однажды, как он мне сказал, он заплатил кому-то, чтобы его разбудили пораньше и он мог испытать погружение. (Я о таком тоже слышала. Но команде запрещено это делать, и пассажиров будят только там, где мелко.) Потом Скайла ужасно тошнило.

Что я могла ему рассказать? В тот первый раз, когда «Оса», поплескавшись, погрузилась, я была под защитой поля повседневного, и иммер меня даже не задел. По правде говоря, теснее связь с иммером я ощущала в Послограде, когда стажеркой садилась в гнездо иммерскопа и тот вдвигался в его пространство, как пустой стакан, который опускают в воду донышком вниз. Вот тогда я заглядывала в его глубину, видела его совсем близко, и это изменило меня. Но и тогда я не смогла бы ничего описать, даже если бы меня попросили.

«Оса» входила в иммер жестко. У меня не было опыта, но, сжав зубы, я справилась с тошнотой, которая накатила, несмотря на все тренировки. Даже в нежных объятиях поля повседневного я ощущала каждый рывок непривычного ускорения, когда мы входили туда, где нет направлений, а принесенный нами обманчивый пузырь гравитации, как мог, амортизировал толчки. Но я слишком волновалась и не могла не корить себя за то, что дала волю восторгу. Это пришло позже, когда с привилегиями новичков было покончено и началась бешеная работа начального этапа погружения, и даже еще позже, когда она завершилась и корабль вышел на походную глубину.

Мы, иммерлетчики, умеем не только сохранять стабильность, сознание и здоровье во время погружения, мы не просто не утрачиваем способности ходить и говорить, питаться и испражняться, слушать и отдавать приказы, принимать решения и работать с параинформацией, приближающей расстояния и условия

иммера к привычным, не сходя при этом с ума от близости вечного. Хотя и это уже не мало. Дело еще в том, что нам присуща, как утверждают одни (и опровергают другие), определенная неразвитость воображения, которая не дает иммеру заморозить нас собой до полного бесчувствия. Чтобы путешествовать в иммере, мы изучили его капризы, а знание, полученное одним человеком, всегда может усвоить и другой.

Находясь в поле обыденного, корабли – я имею в виду корабли Терры, на судах экзотов, бороздящих просторы иммера, я никогда не была и ничего не знаю о способах их движения, – представляют собой тяжеленные ящики, набитые людьми и всякой всячиной. При погружении в иммер, где все неуклюжие линии корабля преобразуются в соответствии с заданной целью, корабль становится единой структурой, а мы – ее функциями. Да, мы остаемся командой, работающей слаженно, как всякая команда, но не только. За пределы временного нас выносят моторы, но и мы сами осуществляем выход; мы толкаем корабль вперед в той же степени, в какой он влечет нас за собой. Это мы возникаем и исчезаем в складках непространства, подвижки которого зовем приливами. Гражданские, даже те, кто может бодрствовать, не выbleывая при этом душу и не заливаясь слезами, так не умеют. Одним словом, многое из той брехни, которую мы рассказываем вам про иммер, – правда. Но и рассказывая, мы разыгрываем вас: история сама становится драмой, без нашего вранья.

– Это третья вселенная, – сказала я Скайлу. – До нее были еще две. Понимаешь? – Я не была уверена в том, что гражданским это известно: для меня это давно уже стало общим местом. – Каждая вселенная иная, чем предыдущая. У каждой свои законы – считается, что в первой скорость света вдвое превышала нынешнюю. Каждая вселенная рождалась, росла, старела и умирала. Три разных «иногда». Но под ними, или вокруг них, или где там еще, был только один иммер, одно-единственное «всегда».

Оказалось, он все это знал. Но в устах иммерлетчика широко известные факты звучали как откровение, и он заслушался, словно малыш.

Мы были в плохом отеле на окраине Пеллуциаса, небольшого города, привлекающего туристов своим расположением над роскошным магмападом. Пеллуциас – столица небольшой страны в мире, названия которого я не помню. В повседневности он находится в другой галактике, в нескольких световых зонах пути от нас, но через иммер он и Дагостин – близкие соседи.

К тому времени у меня уже было достаточно опыта. Я много где побывала. Когда мы повстречались со Скайлом, я как раз была в отпуске – двухнедельном, по местным меркам, – который подарила себе сама между двумя назначениями. Я собирала сплетни – кто на чем летает, куда, с какой целью. В баре отеля было полно иммерлетчиков, тех, кто вокруг них трется, путешественников, приходивших в себя, и, в тот раз, ученых. Все, кроме последних, мне уже давно примелькались. В лобби висело объявление о курсе лекций на тему Целительной Силы Рассказа, прочтя которое, я грубо фыркнула. Трехмерные слова, вертятся и выворачиваясь наизнанку, порхали по коридорам отеля, приглашая всех желающих на инаугурационное заседание Комиссии Золотого и Серебряного Круга; на ассамблею философов-бюрократов шурази; на КЧЛЭ, Конференцию Человеческих Лингвистов-Экзотерров.

Я сидела у стойки бара и выпивала с кучкой временных друзей, которые были там, как и я, транзитом и которых я теперь едва помню. Вели мы себя отвратительно. От ленивого флирта с барменом я перешла к издевкам над учеными из КЧЛЭ, которые сидели за столом, напились и шумели не меньше нашего. Сначала мы просто подслушивали, потом, с присущей иммерлетчикам заносчивостью, заявили им, что они ничего не знают ни о жизни, ни о языках в иммере, и пошло-поехало.

– Ну давай, спроси у меня что-нибудь, – бросила я Скайлу. Это было первое, что я вообще ему сказала. Точно знаю, какой у меня был вид: сидя на высоком табурете, я повернулась спиной к стойке, и, опираясь на нее, вздернула нос, чтобы глядеть на него сверху вниз. При этом я наверняка показывала на него обеими руками и улыбалась довольно сдержанно, чтобы не давать ему ни малейшего спуска. Скайл за своим столом оказался самым трезвым и потому был рефери в нашем споре.

– Я все знаю про странные языки, – сказала я ему. – Уж побольше, чем вы, тупицы. Я из Послогада.

Когда он мне поверил, я в жизни не видела, чтобы человек так поразился и обрадовался. Из игры он не вышел, но на меня с этого момента смотрел совсем по-другому, особенно когда узнал, что остальные в моей компании – не мои земляки. Из Послогада была я одна, и Скайлу это нравилось.

А мне нравилось не только его внимание: я была довольна тем, что этот поджарый, крутой с виду парень пикируется со мной всерьез и под искренний хохот окружающих задает мне вопросы со смыслом. В конце концов мы с ним ушли вместе и провели ночь и еще день в попытках доставить друг другу удовольствие сексом, спали, пробовали снова, и так несколько раз, добродушно переживая неудачи. За завтраком он буквально извел меня своими уговорами и приставаниями; я отвергала их с деланным презрением, забавляясь от души, затем уступила и позволила ему отвести меня, усталую, но, как я пошутила, не совсем затраханную, на конференцию.

Он представил меня коллегам. КЧЛЭ была посвящена изучению людьми языков экзотов, и ее участники были буквально заморожены самыми странными из них. Я видела наспех слепленные временные триды, извещающие о начале заседаний по межкультурным хроматофорным сигналам, по языку прикосновений у невидящих бурданов и по мне.

– Я работаю с гомашем. Вы знаете такой язык? – спросила меня одна молодая женщина ни с того ни с сего. Она была очень рада, когда я ответила, что нет. – На нем говорят, отрывая. Катышки со вставленными в них комбинациями энзимов служат предложениями, которые собеседники должны съесть.

Тут позади нее всплыл мой трид. «Гостья из Послограда! О жизни среди ариекаев».

– Это неправильное название, – сказала я устроителям конференции, – они Хозяева.

Но они ответили:

– Только для вас.

Коллеги Скайла обрадовались возможности поговорить со мной: никто из них никогда не встречал послоградцев. Не говоря уже о Хозяевах.

– Они еще в карантине, – сказала я им, – и вообще, они никогда не просились наружу. Мы даже не знаем, выдерживают ли они погружение.

Роль диковины доставляла мне удовольствие, но мои собеседники были разочарованы. Я предупредила Скайла, что так будет. Обсуждение стало расплывчатым, все ударились в социологию, поняв, что ничего конкретного о Языке я им не скажу.

– Я его почти не понимаю, – рассказывала я. – Все, кроме послов и служителей, учат его совсем немного.

Один из участников вытащил записи речи Хозяев, и мы прошлись по словарному составу. Я с удовольствием добавила нюансов некоторым определениям, но, честно говоря, в комнате нашлись, по крайней мере, двое людей, которые понимали Язык лучше, чем я.

Вместо этого я рассказывала им истории из жизни далекого аванпоста. Они не слышали об золи, об искусстве изготовления скульптур из воздуха, благодаря которому над Послоградом удерживается купол пригодной для дыхания атмосферы. Некоторые видели кое-какие импортные биомшины, но, пользуясь устаревшими тридами, которые у них были, я сумела рассказать им о более крупных структурах, таких как стада домов, или описать жизненный путь моста, начинающегося с клетки понтона и постепенно, без всяких видимых причин, разрастающегося до магистрали, соединяющей целые районы города. Скайл спросил меня о религии, и я ответила, что, насколько мне известно, у Хозяев ее нет. Я вспомнила про Фестиваль Лжецов. Скайл оказался не единственным, кого интересовала эта тема.

– Но я всегда думал, что они не умеют лгать, – сказал он.

– В этом вся суть, – ответила я. – Стремление к невозможному.

– Какие они, эти фестивали? – Я рассмеялась и ответила, что не имею понятия, ведь я не присутствовала ни на одном из них, да и вообще никогда не была в городе Хозяев.

Они начали обсуждать Язык между собой. Не зная, как лучше отплатить им за гостеприимство, я в качестве анекдота пересказала им то, что произошло со мной в заброшенном ресторане. Они снова слушали внимательно. Скайл пожирал меня глазами маньяка.

- Так ты сравнение? - спросили они.

- Я сравнение, - ответила я.

- Ты рассказ?

Я была рада, что смогла дать что-то Скайлу. Он и его коллеги больше, чем я сама, радовались тому, что когда-то меня сделали сравнением.

Иногда я дразнила Скайла тем, что он любит меня только за то, что я немного знаю язык Хозяев, или за то, что я сама - его часть.

Он почти завершил свои исследования. Его работа касалась сопоставления ряда фонем нескольких языков, принадлежавших разным видам живых существ в разных мирах, что меня больше всего озадачивало.

- Что ты ищешь? - спрашивала я.

- Секреты, - отвечал он. - Ты знаешь. Сущности. Унаследованности.

- Поздравляю тебя с таким безобразным словом. Ну и?

- И их нет.

- М-м-м, - сказала я. - Неловко.

- Слышу пораженца. Что-нибудь сляпаю. Ученый не может позволить ошибке встать на пути теории.

- Еще раз поздравляю. - Я выпила за него.

Мы провели в том отеле больше времени, чем каждый из нас планировал, а потом я, в отсутствие определенных планов и работы, нанялась на судно, которое увозило его торговым путем домой. У меня был опыт, рекомендации, и получить работу оказалось легко. Дорога была недолгой, часов 400 или около

того. Узнав, как тяжело Скайл реагирует на погружение, я была тронута тем, что он решил не засыпать в нашем первом совместном путешествии. Однако жертва оказалась бессмысленной – во время моих дежурств он боролся с тошнотой в одиночестве, а между сменами он, несмотря на медикаменты, едва мог со мной говорить. И все равно, хотя его состояние и раздражало меня, я была тронута.

Судя по тому, что он говорил, ему требовалось совсем немного времени, чтобы привести в порядок последние главы, схемы, звуковые файлы и триды. Но Скайл вдруг объявил, что не будет представлять диссертацию к защите.

– Ты столько работал, а теперь отказываешься прыгать в последнее кольцо? – спросила я.

– К черту, – сказал он совершенно равнодушно. Я рассмеялась. – Революция не состоялась.

– Мой бедный неудавшийся радикал.

– Ага. Ну и пусть. Мне было скучно.

– Но погоди, – попыталась возразить я, – ты что, серьезно? Разве не стоит...

– Все, кончено, новость простыла, забудь об этом. И вообще, у меня давно уже новый проект, сравнение. Ты какое? – С этой неуклюжей шуткой он поклонился, прищелкнул пальцами и перевел разговор на другую тему. Снова начал расспрашивать про Послоград. Неослабность его интереса восхищала, но он разбавлял его насмешкой, и его одержимость казалась мне в большой степени позой.

В его провинциальном университетском городке мы задержались ненадолго. Он сказал, что будет ходить за мной хвостом и доставать меня до тех пор, пока я не соглашусь отвезти его сама понимаешь куда. Я не поверила, но, когда я получила следующее назначение, он полетел со мной, пассажиром.

Однажды в пути, когда мы плескались в мелком и спокойном иммере, я разбудила Скайла, чтобы показать ему косяк хищников, которых мы зовем хаи. Я говорила с капитанами и учеными, считающими, что они не форма жизни, но

агрегатное состояние самого иммера, а их нападения, беспощадные и точные, как удары ножа, есть лишь толчки присущего иммеру хаоса, в котором наш ограниченный повседневностью мозг не может научиться видеть игру случая. Я сама всегда думала о них как о чудовищах. Подкрепленный лекарствами Скайл и я наблюдали за тем, как содрогнулся иммер, когда наши выводные батареи обратили хаи в бегство.

Когда мы появлялись там, где должны были появиться, и наш корабль вставал под загрузку или разгрузку, Скайл обязательно записывался в местную библиотеку, где собирал материалы по старому исследованию и новому проекту. Там, где были какие-нибудь достопримечательности, мы ходили их смотреть. Спали мы в одной постели, но с сексом покончили давно.

Везде, где мы бывали, он остервенело учил языки, и если основной словарь уже был ему знаком, то занимался сленгом. Я путешествовала куда больше, чем он, но говорила и читала только на всеанглийском. Мне нравилась его компания, с ним часто бывало весело и всегда интересно. Я проверяла его, каждый раз нанимаясь на работу туда, где надо было лететь через иммер сотни часов подряд, ничего запредельного, но все же. Наконец однажды, поняв, что я не просто гадаю, останется он или нет, но надеюсь, что он не уйдет, я решила, что он прошел испытание.

Мы поженились на Дагостине, в Бремене, в Чаро-Сити, куда я посылала письма в детстве. Я говорила себе, и это было правдой, что мне важно было время от времени появляться в своем столичном порту. Даже в непереносимо медлительном мире межмирового письмаобмена Скайл умудрялся переписываться с местными исследователями; я тоже никогда не была одиночкой, и у меня были свои связи и друзья в иммерлетчицком мире быстро завязывающихся дружб; так что мы оба знали, что каждому будет чем заняться. Там, в столице моего национального государства, которого большинство послоградцев никогда не видели в глаза, я могла отметиться в профсоюзе, сложить сбережения на свой основной счет, послушать новости о бременской судебной системе. Квартира, которой я владела, располагалась не в самой фешенебельной, зато приятной части города. Там почти не встречались люди, увешанные статусными техническими побрякушками из Послограда.

Вступив со мной в брак по местным законам, Скайл получал возможность беспрепятственно путешествовать по всем провинциям и владениям Бремена. Долгое время на все его настойчивые приставания, оказавшиеся вовсе не

шуткой, как он прикидывался сначала, я давала один ответ – что не планирую когда-либо возвращаться в Послоград. Но, думаю, к тому времени, когда мы с ним поженились официально, я была готова сделать ему подарок в виде совместного визита на мою малую родину.

Все оказалось далеко не так просто: Бремен контролировал вход на иные из своих территорий почти так же строго, как выход. Мы планировали сойти на Ариэке, поэтому я не могла просто подписаться на очередной рейс. В Доме Транзитов озадаченные чиновники посылали меня от одного начальника к другому. Ничего иного я не ждала, но все же невольно спрашивала себя, как далеко вверх по служебной лестнице – если я не ошиблась в оценке стоимости мебели в последнем офисе – может зайти перекаладывание ответственности.

– Вы собираетесь вернуться в Послоград? – спросила женщина, которую от кабинета начальника отделяли две-три ступеньки. – Вы должны понимать, что это... несколько необычно.

– Так мне все и говорят.

– Скучаете по дому?

– Да нет, – сказала я. – Ради любви чего только не сделаешь. – Я театрально вздохнула, но она не захотела поддержать мою игру. – Нельзя сказать, чтобы мне очень хотелось снова застрять в этой дыре. – Она встретила мой взгляд и промолчала.

Она спросила меня, что я планирую делать на Ариэке, в Послограде. Я ответила правду – флокировать. Это ее тоже не позабавило. Кому я собираюсь доложить о своем прибытии? Никому, ответила я, там у меня нет начальства, я гражданское лицо. Она напомнила мне, что Послоград – один из портов Бремена. Где я была с тех пор, как уехала оттуда? Везде, подчеркнула она, а кто может это подтвердить? Пришлось мне поднимать все свои карты и записи, хотя она наверняка знала, что во многих местах к таким формальностям относятся спустя рукава. Она прочитала мой список, включавший терминалы и короткие остановки, о которых я даже не помнила. Задала мне пару вопросов о внутренней политике пары-тройки мест, на что я могла лишь улыбнуться в ответ, так как совершенно не представляла, что отвечать; а пока я собирала

всякую всячину, она сидела и смотрела на меня.

Не знаю, в чем она меня подозревала. В конце концов, как имеющая карту на вылет уроженка Послограда и иммерлетчица, поручившаяся за своего жениха, я имела право на вход, и оставалось только запастись терпением, чтобы получить разрешение для него и для себя. Скайл готовился к работе на Ариее, он читал, слушал записи, смотрел немногие существовавшие триды и видео. Он даже придумал название для своей будущей книги.

- Только на одну смену, - предупредила его я. - Со следующей сменой улетаем назад. - В Чаро-Сити, в соборе Христа Загруженного - на чем, к моему удивлению, настоял Скайл, я вышла за него замуж по бременскому закону, и, зарегистрировав наш платонический любовный союз, повезла его в Послоград.

Часть первая

Прием

Настоящее, 1

В Дипломатическом Зале яблоку было негде упасть. На любом бале, на любой встрече или проводах гостей всегда бывало полно народу, но такого, как в тот день, не случилось. Хотя чему тут удивляться: все были крайне возбуждены. Как ни старались служители убедить нас в том, что это обычная встреча, судя по их голосам, они и сами в это не верили.

Со всех сторон толклись разодетые гости. Я тоже надела драгоценности и активировала несколько приращений, которые создавали вокруг меня приятное свечение. Прислонившись к стене, я почти утонула в листьях.

- Ну разве не красавица? - Меня нашла Эрсуль. - Стрижка короткая. Волнистая. Красиво. Ты попрощалась с Кайли?

– Большое спасибо, и да, я попрощалась. До сих пор не верю, что ей удалось получить документы на выезд.

– Что ж. – Эрсуль кивнула туда, где Кайли повисла на руке Дамье, женщины из служащих, частично ответственной за выдачу карт.

– Думаю, что без горизонтального заявления тут не обошлось. – Я рассмеялась.

Эрсуль была автоматом. В тот вечер ее наружную оболочку украшали павлиньи перья из акрила, а вокруг лица вращались триды, изображавшие драгоценности.

– Я так устала, – сказала она. Ее лицо пошло рябью и затрещало, как от радиопомехи. – Вот дождусь, когда можно будет взглянуть на нашего нового посла в действии – разве можно пропустить такое? – и пойду.

Ее стремление пользоваться одним корпусом за раз было продиктовано понятиями о вежливости или удобстве, принятыми у террафилов. Думаю, она знала, что общение с существами, имеющими более одного физического воплощения, представляет для нас проблему. Разумеется, она была импортным продуктом, хотя и неясно, откуда ее привезли и когда. В Послограде она жила дольше всех, кого я знала. Ее тюрингское программное обеспечение далеко превосходило местные возможности, да и вовне я ничего подобного не встречала. Обычно контактировать с автоматом – все равно что разговаривать с кем-то, чьи способности к познанию глубоко повреждены, но с Эрсуль мы дружили. «Приходи и спаси меня от этих деревенских дурачков», – бывало, говорила мне она, когда ей случалось загрузиться в компании других автоматов.

– Ты шутишь сама с собой, когда никто не смотрит? – спросила я у нее однажды.

– А это имеет значение? – ответила она наконец, и меня словно кипятком обожгло. Грубо и по-детски было поднимать вопрос о ее личности, об очевидно присутствующем ей сознании и о том, всегда ли она такая. По традиции, ни один из тех немногих автоматов, чье поведение настолько походило на человеческое, чтобы спровоцировать подобный вопрос, не стал бы на него отвечать.

Она была моей лучшей подругой, и, при ее необычности, местной знаменитостью. Когда мы с ней познакомились, у меня было такое чувство, будто я уже видела ее раньше. Сначала я никак не могла понять где; потом,

когда до меня дошло, когда и где это было, я спросила ее напрямую (как будто это могло ее напугать):

– А зачем они тебя туда позвали? В дом Брена, давным-давно, когда послы читали мне мое сравнение? Это ведь ты была, правда? Помнишь?

– Ависа, – сказала она с легким упреком и заставила свое лицо задрожать, будто от огорчения. Другого ответа на свой вопрос я от нее так и не получила, да и не слишком настаивала.

Прижавшись друг к другу под сенью плюща, мы следили за тем, как порхают по залу маленькие камеры, записывая происходящее. Их декоративные биопанцири светились разными цветами.

– Так, значит, ты их уже видела? – сказала Эрсуль. – Этих почетных новобранцев, которых мы все ждем? Я нет.

Меня это удивило. Эрсуль нигде не работала, ее не связывали никакие обязательства, но как компьютер она имела определенную ценность для служащих посольства и нередко выступала от их имени. То же можно было сказать и обо мне – мой въездно-выездной статус был им полезен – до тех пор пока я не вышла у них из фавора. Я ожидала, что Эрсуль наверняка будет в курсе любых дискуссий, но, очевидно, с момента прибытия нового посла служащие посольства разделились на клики.

– У них там драка, – сказала Эрсуль. – Так я слышала. – Эрсуль постоянно что-нибудь рассказывали: наверное, потому, что она не была человеком, хотя казалось, что она почти человек. Думаю, что заодно она прослушивала местную сеть, взламывая коды доступа ко многим любопытным фрагментам информации, когда хотела поделиться ею с друзьями.

– Люди волнуются. Хотя кажется, некоторые даже прониклись симпатией... Посмотри на МагДа. А теперь еще и Уайат хочет влезть в это дело.

– Уайат?

– Раскапывает какие-то древние законы, пробует консультировать посла наедине. Все такое.

Уайат, представитель Бремена, прибыл с собственным небольшим штатом на предыдущем торговом корабле, чтобы сменить Четтенхема, своего предшественника. По плану он должен был отправляться назад через один рейс. Бременцы основали Послоград чуть более двух мегачасов тому назад. Юридически мы все были бременцами: пользовались протекторатом. Но послы, формально правившие от имени Бремена, были, разумеется, здешними уроженцами, так же как служащие посольства и все мы, их подданные. Уайат, Четтенхем и прочие атташе, получая длительное назначение к нам, зависели от их помощи во всем, что касалось торговой информации, всякого рода предложений, а также подхода к Хозяевам и технике. Крайне редко кто-либо из них давал иные указания, кроме «Продолжать». Кроме того, они сами тоже выступали советниками служащих, помогая им ориентироваться в столичной политике. Так что энергичное продвижение Уайатом своего протеже меня заинтриговало.

Впервые на памяти живущих посол прибывал извне. Если бы не праздник – корабль уходил, и бал нельзя было откладывать, – подозреваю, что служащие и дальше держали бы нового посла в карантине, а сами продолжали бы плести интриги.

– КелВин здесь, – тихо предупредила Эрсуль, бросив взгляд через мое плечо. Я не обернулась. Она поглядела на меня, и ее компьютерное лицо приняло слегка вопросительное выражение, словно она еще надеялась когда-нибудь узнать, что произошло между нами. Я покачала головой.

Приехала Янна Саутель, старший научно-исследовательский сотрудник Послограда, а с ней еще один посол. Я шепнула Эрсуль:

– Отлично, это ЭдГар. Пора посплетничать. Погоди немного, скоро я все тебе расскажу. – Я медленно двинулась сквозь толпу туда, где вращались послы. Там, среди смеха и веселья танцующих, я подняла бокал и заставила ЭдГар повернуться ко мне.

– Посол, – сказала я. Они улыбнулись. – Итак, – продолжала я, – мы готовы?

– О нет, маяки Христовы, – ответил Эд или Гар.

– Ты так спрашиваешь, как будто я знаю, что происходит, Ависа, – сказал другой. Я наклонила голову. ЭдГар и я всегда развлекались подчеркнутым флиртом. Я им нравилась; любители поговорить и посплетничать, они всегда выбалтывали все, что было можно, и даже немного больше. Вот и теперь старые щеголи покрутили головами из стороны в сторону, театрально приподняли брови, точно боясь, что кто-то налетит на них и заткнет им рты. Конспирация была их пунктиком. Вполне возможно, что в последние несколько месяцев их предостерегали против меня, но они продолжали относиться ко мне с той же непринужденной куртуазностью, как и прежде, и я это ценила. Я улыбнулась, но улыбка сбежала с моего лица, едва я заметила, что, несмотря на праздничные лица, они по-настоящему расстроены.

– Никогда бы не подумал, что такое...

– ...возможно, – сказали ЭдГар.

– Там творится такое...

– ...чего мы не понимаем.

– А другие послы? – спросила я.

Мы оглядели комнату. Многие из их коллег уже прибыли. Вон ЭсМе в переливчатых платьях; АрнОльд щупали тугие воротнички, сдавливавшие им шею под обручами; ЖасМин и ХелЭн путано спорили, перебивая друг друга, и каждая половина одного посла заканчивала фразы за другую. От такого количества послов, собранных в одном месте, начинало казаться, будто я во сне. На вживленных в их шею обручах, украшенных сообразно вкусу каждого, синхронно подмигивали светодиоды, меняя цвет.

– Честно? – сказал ЭдГар. – Все в тревоге.

– Более или менее.

– Некоторые считают, что мы...

- ...преувеличиваем. РэнДолф думают, что для нас это к лучшему.

- Пришелец в наших рядах заставит нас встряхнуться. Но оптимизма никто не испытывает.

- А где ХоаКин? И где Уайат?

- Они везут нового мальчика. Вместе.

- Не хотят выпускать друг друга из виду.

Служители освобождали пространство у входа в зал, готовясь к прибытию ХоаКин, председателя послов, Уайата, атташе Бремена, и нового посла. Среди них были те, кого я не знала. Пилота я уже давно потеряла из виду, так что спросить, кто они – команда, иммигранты или временно-прибывшие, – было не у кого.

Во время подобных балов всех новичков – постоянных или временных – непременно окружают местные. Так что одиночества они не испытывают, им есть с кем поговорить и с кем заняться сексом. Их одежду, снаряжение и приращения разглядывают, точно Священный Грааль. Все программное оборудование, которое у них есть с собой, копируют, и местная сеть еще много недель щебечет новыми экзотическими алгоритмами. Но в тот раз всех интересовал только новый посол.

- А что еще привезли? Полезное? – Посол ЖасМин подошли совсем близко, и я подчеркнуто адресовала вопрос им, а не ЭдГар. ЖасМин меня не любили, и я заговаривала с ними, когда могла, чтобы они знали – я их не боюсь. Они не ответили, а я пошла дальше, поздоровалась с Симмоном, офицером службы безопасности. Мы много лет не поддерживали отношений, однако искренне симпатизировали друг другу, так что никакой неловкости не возникло, хотя я присутствовала как гость, причем нежеланный, а он был на работе. Он пожал мою ладонь своей биомеханической правой рукой, которой пользовался с тех пор, как разорвавшийся на стрельбище пистолет уничтожил ее предшественницу из плоти и крови.

Я бродила в толпе, болтала с друзьями, наблюдала, как взблескивают, влияя друг на друга, приращения, услышав знакомый иммер-сленг, оборачивалась,

чтобы сказать иммерлетчикам пару слов на их диалекте, или складывала пальцы в замок, показывая, на каком судне я летала в последний раз, и они были в восторге. Иногда мы чокались бокалами, и я шла дальше.

Но вообще-то, я, как и все, ждала появления нового посла.

И вот они появились, но иначе как разочарованием это назвать было нельзя. Двери бережно и осторожно открыл Уайат. ХоаКин, улыбаясь, встали рядом с ним, и я восхитилась тем, как хорошо они скрывали свое волнение. Голоса стихли. Я затаила дыхание.

За их спинами началась какая-то возня, шедшие сзади о чем-то спорили. Новый посол, миновав своих проводников, вошли в Дипломатический Зал. Упади в этот миг булавка, все бы услышали.

Один из вошедших, высокий и худой, с редеющими волосами, моргал, застенчиво улыбался, был бледен. Второй был плотный, мускулистый и почти на ладонь ниже первого. Он широко улыбался. Оглядывался по сторонам. Ерошил пальцами шевелюру. В его крови были добавки: я видела идущее от него свечение. У его компаньона их, похоже, не было. У того, что покороче, нос был с горбинкой, у высокого – курносый. У них были разные оттенки кожи, разные глаза. Они были совсем разные и не глядели друг на друга.

Они, новый посол, стояли и улыбались каждый на свой манер. В них, словно в двух материализовавшихся чудовищ, никак не верилось.

Минувшее, 1

За несколько kilochасов до этого мы готовились к отлету, и Скайл заключил со своими работодателями (они же научные руководители) некую договоренность. Я никогда не пыталась вникать в суть отношений в их академическом мире. Насколько я поняла, он выговорил себе продолжительный свободный год, а его пребывание в Послограде технически считалось частью какого-то проекта, под который его университет выделил ему малюсенький грант. А еще они обязались

выплатить ему номинальный предварительный гонорар и поддерживать в действии его текущие счета до тех пор, пока он не предоставит им для публикации книгу «Раздвоенный язык: социопсихолингвистика ариекаев».

Исследователи приезжали в Послоград и раньше, в особенности бременские, замороженные живыми машинами Хозяев: двое или трое еще были там, дожидались смены. Но никаких лингвистов извне на памяти жителей планеты на Ариеке не было, по крайней мере, со времен пионеров, которые пытались подобрать к местному языку ключ почти три с половиной мегахаса назад.

– Я воспользуюсь их достижениями, – говорил мне Скайл. – Им пришлось начинать с самого начала. Выяснить, почему мы можем понимать ариекаев, а они нас – нет. Теперь мы это знаем.

Пока мы собирались в Послоград, чтобы провести там, как выражался Скайл, наш медовый месяц, он обшаривал библиотеки Чаро-Сити. Я рассказывала ему иммерлетчицкие байки об Ариеке, а когда мы наконец прибыли на место, он обыскал весь послоградский архив, но никаких систематических исследований по своей теме не нашел. Это его обрадовало.

– Почему никто не писал об этом раньше? – спросила я у него.

– Сюда никто не летает, – ответил он. – Слишком далеко. Не обижайся, но это же настоящая дыра.

– Господи, да я и не думаю обижаться.

– К тому же дыра опасная. Да еще бременские бюрократические проволочки. И потом, честно говоря, в нем же просто нет смысла.

– В чем? В языке?

– Да. В языке.

В Послограде были свои лингвисты, но почти поголовно лишённые права на выезд – те, кто не поленился написать заявление, – они занимались своей наукой абстрактно. Изучали и преподавали старый и новый французский, мандарин,

панарабский, беседовали друг с другом для упражнения, как иные играют в шахматы. Кто-то учил языки экзотов, насколько позволяла физиология, разумеется. Местные паннегетчи забыли родной язык, выучив всеанглийский, но в Послограде были в ходу пять языков кеди и три диалекта шурази, и люди могли вполне сносно воспроизводить их все, кроме одного кедийского.

Местные лингвисты не занимались языком Хозяев. Однако на Скайла наши табу не производили никакого впечатления.

Он родился не в Бремене и не в колонии, и вообще не принадлежал ни к одной из наций Дагостина. Скайл был с урбанизированной луны, Себастаполиса, о котором я слышала вскользь. Он рос настоящим полиглотом. Я так и не поняла, какой язык он считал родным и был ли такой вообще. Во время наших путешествий я всегда завидовала той жизнерадостной легкости, с которой он игнорировал свою родину.

В Послоград мы летели с пересадками. Мне еще никогда не доводилось путешествовать с такими разношерстными командами, как в тот раз. Я знала карты густонаселенного познанного иммера вокруг Бремена, было время, когда я могла перечислить названия почти всех народов, живших на его основных планетах, но многие из тех, с кем я летела домой, были из других мест. Среди них встречались терранцы из такой дали, что они подшучивали надо мной, говоря, что их планета называется Фата-Моргана или Зеленая Скрипка.

Если бы я села на встречный корабль и полетела в другом направлении, то попала бы в такие миры вечного и повседневного, в которых наш Бремен считается легендой. Люди путаются в перекрывающих друг друга слоях познанного пространства. Те же, кто служит на летательных аппаратах экзотов и овладевает искусством выдерживать непривычное напряжение их тяги – у одних она измеряется в силах ласточек, другие движутся за счет сверхсветового сожжения, третьих толкают вопли банши, – заходят еще дальше, описывая уж совсем непредсказуемые траектории, и запутываются окончательно. Так ведется уже много мегачасов, с тех пор как был обнаружен иммер и женщины и мужчины разлетелись по всей вселенной, образовав гомодиаспору.

Одержимость Скайла языком Хозяев всегда меня немного возбуждала. Не знаю, понимал ли он, чужой не только в Послограде, но и в Бремене вообще, какие

мурашки бежали у меня по спине всякий раз, когда он говорил «ариекаи» вместо уважительного «Хозяева» или когда он кромсал на части их предложение и объяснял мне его смысл. Наверное, есть доля иронии в том, что именно из исследований моего мужа-иностранца я больше всего узнала о языке того города, в гетто которого я родилась.

УКЛ – ускоренная контактная лингвистика – представляла собой, как мне объяснил Скайл, дисциплину на стыке педагогики, рецептивности, программирования и криптографии. Ее использовали ученые-исследователи первых бременских кораблей с целью быстрого установления контакта с туземцами, которых они встретят или которые встретят их.

Судовые журналы тех ранних путешествий хранят трогательные восторги уклологов. На любых континентах, в любых мирах, полихромных или черно-белых, они отмечали первые проблески понимания между ними и колониями экзотов. Тактильные языки, биолюминисцентные слова, все разнообразие звуков, которые способны производить живые организмы. Диалекты, доступные восприятию лишь как палимпсесты ссылок на нечто уже сказанное, или такие, в которых прилагательные грубы, а глаголы непристойны. Я видела три-дэ-дневник одного уклолога, который забаррикадировался в кабине, пока его судно грабили те, кого мы сегодня называем корсканцами – это был их первый контакт. Естественно, он боялся гигантов, которые ломались в его дверь, и в то же время радовался, делая запись о том, что ему только что удалось расшифровать тональную структуру их речи.

Но с прибытием уклологов на Ариеку начались 250 килочасов неразберихи. Нельзя сказать, чтобы язык Хозяев был так уж труден для понимания, или изменчив, или чрезмерно разнообразен. Хозяев на Ариеке оказалось удивительно мало, все они жили в окрестностях одного города и говорили на одном языке. Аудио-оборудование и компьютерные программы, которыми обладали лингвисты, позволили им быстро собрать базу данных звуко-слов (пришельцы считали их словами, хотя там, где они отделяли одно слово от другого, сами ариекки никакой границы не видели). С синтаксисом тоже разобрались почти сразу. Конечно, как и в других языках экзотов, без странностей тут не обошлось. Но ничего настолько чуждого, с чем не могли бы справиться ученые и их машины, в нем не было.

Хозяева были терпеливы, казались заинтригованными и, насколько можно было судить при общей непонятности их поведения, радовались гостям. У них не было ни выхода в иммер, ни экзотических средств передвижения, ни даже машин, скорость которых превышала бы скорость света; они никогда не покидали свою планету, зато обладали иными преимуществами. Они с удивительным искусством манипулировали всем живущим, и, казалось, совсем не удивились, узнав, что и в иных местах существует разум.

Наш всеанглийский Хозяева не учили. Похоже, даже не пробовали. Зато ученые Терры всего через несколько тысяч часов научились понимать почти все из того, что говорили они, и синтезировали вопросы и ответы на едином ариекайском. Фонетическая структура предложений, которые произносили их машины – изменения тона, гласные и ритм согласных, – была совершенно точной, почти безупречной.

Хозяева выслушали все и ничего не поняли.

– Сколько человек у вас обычно выходят наружу? – спросил меня Скайл.

– Тебя послушать, может показаться, что речь идет о побеге из тюрьмы, – сказала я.

– Ладно, брось. Помнится, ты сама не раз говорила, что тебе удалось вырваться. И еще ты, кажется, говорила, что, гм, никогда не вернешься. – И он хитро взглянул на меня.

– Туше, – сказала я. От Послограда нас отделял один бросок.

– Так сколько?

– Немного. Ты имеешь в виду иммерлетчиков?

– Я имею в виду всех.

Я пожала плечами.

– Время от времени карты должен получать и кто-то другой, не только летчики. Человека два-три. Хотя немногие вообще подают заявление, даже если им удастся пройти тесты.

– А с кем-нибудь из одноклассников ты общаешься?

– Одноклассников? Ты про тех, с кем я училась летать? Почти нет. – Пальцами я изобразила движение, которое означало разбегание в разные стороны. – Да нас и вообще было всего трое. Мы не дружили. – Даже если бы практика посылки писем миаблами не пресекала возможности отдаленных контактов на корню, я все равно не стала бы и пытаться, как не стали бы и они. Классический пример невысказанного соглашения между беглецами из маленького городка: не оглядываться, не быть якорем друг для друга, никакой ностальгии. Я и не ждала, что кто-то из них вернется.

В ту нашу поездку в Послоград Скайл внес коррективы в свой сон, напичкав его геронами, чтобы во время пути мы старились вместе. Трогательный поступок, цель которого – не дать спящему путешественнику остаться моложе, чем его работающий партнер.

Вообще-то, он спал не всегда. Там, где позволял иммер, он с помощью медикаментов и приращений ненадолго просыпался и продолжал свои занятия, прерываясь лишь для того, чтобы поблевать или провести в положенные часы химиопрофилактику страха.

– Послушай вот это, – прочитал он мне. Мы сидели за столом, проходя очень спокойные отмели иммера. Из уважения к его вечностной тошноте я жевала сухие фрукты, почти лишенные запаха. – «Вы, конечно, знаете, что у каждого человека два рта, или голоса». Тут, – он ткнул пальцем в то, о чем читал, – они занимаются сексом, когда поют друг другу. – Это была какая-то древняя книга о плоской земле.

– И какой смысл во всей этой чепухе? – спросила я.

– Я ищу эпитафии, – сказал он. Потом попробовал другие старые истории. В поисках вымышленных родственников Хозяев он показывал мне описания корианцев и тукан, иторианцев, вессхаров, вымышленных двуязыких зверей. Но я не разделяла его восторга перед этими карикатурами.

– Можно процитировать Притчи 5:4, – сказал он, глядя на свой экран. Я не просила его объяснить, что это: иногда мы устраивали что-то вроде поединков. Потом, оставшись одна, я порылась в Библии и нашла: «Но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый».

Хозяева – не единственные поливокальные экзоты. Очевидно, есть расы, которые говорят, издавая два, три или больше звуков сразу. Язык Хозяев, ариекайский, еще сравнительно прост. Их речь представляет собой переплетение всего двух голосов, слишком многообразно сложных, чтобы их можно было свести к простым описаниям вроде «бас» и «дискант». Два звука – говорить одним голосом они не умеют – неотделимы друг от друга потому, что одновременно исходят из двух отверстий, одно из которых предназначено для приема пищи, а другое служило, вероятно, для подачи сигнала тревоги.

Первые уклологи слушали, записывали и понимали их. «Сегодня мы слушали, как они говорят о новых домах, – сообщали нам со Скайлом озадаченные люди со старого трида. – Сегодня они обсуждали свою био-работу. Сегодня они слушали имена звезд».

Мы видели, как Урих, Беккер и их коллеги, еще не знаменитые в то время, когда мы подглядывали за ними, копировали звуки речи местных жителей, повторяя их же предложения. «Мы знаем, что это приветствие. Мы это знаем». Мы наблюдали, как давно скончавшаяся лингвистка проигрывает звуки терпеливо внимавшему ариекую. «Мы знаем, что они нас слышат, – говорит она. – Мы знаем, что они понимают друг друга на слух; мы знаем, что если бы кто-нибудь из его друзей сказал ему сейчас то, что проиграла ему я, они поняли бы друг друга». Ее изображение покачало головой, и Скайл сделал то же самое в ответ.

О самом прозрении сохранилось лишь письменное свидетельство Уриха и Беккера. Как это обычно бывает в таких случаях, кто-то из их группы позже объявил запись искаженной, однако в историю вошел именно манускрипт Уриха – Беккера. Давным-давно я видела его детскую версию. Помню картинку, которая изображала тот момент; Урих, внешность которого была подарком для любого карикатуриста, и более утонченный с виду Шура Беккер, смотрят на Хозяина, преувеличенно вытаращив глаза. Я никогда в жизни не видела полного варианта этого текста, пока его не показал мне Скайл.

Мы знали множество слов и фраз (прочла я). Мы знали самое важное приветствие: сухайлл/джарр. Мы каждый день слышали его и произносили: без всякого эффекта.

Мы запрограммировали свой воспроизводящий голоса аппарат так, чтобы он без конца повторял одно и то же. Но ариекай по-прежнему не реагировал. Наконец мы переглянулись и со злости выкрикнули слово вдвоем, он одну половину, а я другую, как проклятие. По случайности они совпали. Урих орал «сухайлл», Беккер – «джарр».

Ариекай повернулся к нам. Заговорил. Мы и без оборудования поняли, что он сказал.

Он спросил нас, кто мы.

Он спросил, кто мы и что сказали.

Он нас не понял, но знал, что в наших звуках есть смысл. Синтезированные голоса, которые он слушал до этого, воспринимались им как простой шум: но теперь, хотя наш вопль уступал записям в точности воспроизведения, он понял, что мы пытаемся с ним говорить.

Версии этой невероятной истории я слышала много раз. С того события, или с того, что случилось тогда на самом деле, прошло семьдесят пять килочасов, и наши предки путем множества проб и ошибок, то и дело сворачивая на ложный путь, поняли, наконец, странную природу этого языка.

– Он что, уникален? – спросила я у Скайла однажды, и, когда он кивнул, это потрясло меня так, словно и я была иностранкой.

– Ничего подобного этому языку нет больше нигде, – сказал он. – Ни-где. И дело тут не в звуках, понятно. Звуки не служат хранилищем смысла.

Есть экзоты, которые говорят молча. Я думаю, что настоящих телепатов в этой вселенной не существует, но есть эмпаты, чьи языки настолько тихи, что может показаться, будто они обмениваются мыслями. Но не Хозяева. Они тоже эмпаты,

но другого рода.

Когда мы говорим, к примеру, «рот», то звуки «р», «о» и «т», связанные определенным образом, всегда воспринимаются нами как одно и то же слово. Независимо от того, кто его произносит: я, Скайл, какой-нибудь шурази или не умеющая думать компьютерная программа. У ариекаев все по-другому.

Их язык, как и все остальные в мире, складывается из упорядоченных шумов, но каждое слово для них – как воронка. Для нас каждое слово имеет свой смысл, а для них слово – это отверстие. Дверь, сквозь которую можно увидеть означаемое, то есть мысль, связанную с ним.

– Если я запрограммирую машину на всеанглийском так, чтобы она повторяла одно и то же слово, ты его поймешь, – объяснял Скайл. – Если я запрограммирую машину словом из языка Хозяев, то я его пойму, а они – нет, потому что для них это всего лишь звук, в котором нет смысла. За словом должен стоять разум.

Разум Хозяев неотделим от их раздвоенного языка. Они не могут учить другие языки, потому что неспособны даже помыслить об их существовании, равно как и о том, что шумы, которые мы производим, – это слова. Хозяин понимает лишь то, что сказано на его Языке осознанно, кем-то, у кого есть мозг. Вот что сбивало с толку ранних уклологов. Когда их машины говорили, Хозяева слышали только шум.

– Нет другого языка, который работал бы так же, – сказал Скайл. – «Человеческий голос способен постигать себя как звук самой души».

– Кто это говорил? – спросила я. Ясно было, что он цитирует.

– Не помню. Философ какой-то. Все равно это не верно, и он это знал.

– Или знала.

– Или знала. Это не верно, по крайней мере, для человеческого голоса. Но ариекаи... говоря, они и вправду в каждом голосе слышат душу. Так у них передается смысл. В словах есть... – Он с сомнением покачал головой, а потом сказал просто, как говаривали в старину: – В них есть душа. Она должна быть,

чтобы был смысл. Слово должно быть правдой, чтобы стать Языком. Вот зачем они делают сравнения.

– Как со мной, – сказала я.

– Как с тобой, но не только. Они делали их уже тогда, когда тебе подобных не было еще на их планете. И пользовались для этого чем угодно. Животными. Своими крыльями. И тот расколотый камень – тоже сравнение.

– Расколотый и починенный. Вот что главное.

– Ну, в общем, да. Они раскололи его и склеили, чтобы потом иметь возможность сказать: «Это как тот камень, который был расколот и склеен». Что бы это ни значило.

– Но я думала, что они не так часто прибегали к сравнениям. До нас.

– Да, – сказал Скайл. – То есть... нет.

– Я могу подумать о чем-то, чего на самом деле нет, – сказала я. – И они тоже. Ведь это же очевидно. Как иначе они могли бы планировать свои сравнения?

– Не... совсем. У них нет никаких «а что, если...», – сказал он. – В лучшем случае, представление о том, чего нет, рождается в их головах как призрак призрака. В их Языке все – правда. Сравнения нужны им для сопоставлений, для того, чтобы сделать правдой то, чего нет, но что им нужно сказать. Вряд ли они могут об этом подумать: может быть, просто таковы требования Языка. Душа, та душа, о которой я говорил, – это то, что они слышат в речи послов.

Лингвисты изобрели похожий на музыкальную партитуру способ записи двух переплетенных звуковых потоков Языка, дав обеим частям названия в соответствии с какими-то давно утраченными значениями: голос Поворот и голос Подрез. Их, наша, человеческая версия Языка была более гибкой, чем оригинал, который она копировала довольно приблизительно. Ей можно было обучить машины, ею можно было писать, и все равно она оставалась непонятной Хозяевам, для которых Языком была речь, произнесенная кем-то, кто думает мысли.

– Ему нельзя научиться, – сказал Скайл. – Все, на что мы способны, – скопировать их звуки, а этого недостаточно. Мы создали обманную аварийную методологию, к чему были просто вынуждены. Наши мозги работают не так, как у них. Чистая случайность смогла помочь нам заговорить на их языке.

Когда Урих и Беккер заговорили вместе, вкладывая в слово искреннее, разделяемое обоими чувство, причем один говорил Поворотом, а другой – Подрезом, искра смысла сверкнула там, где не преуспели зеттабайты электроники.

Разумеется, потом они пробовали снова и снова, они и их коллеги часами репетировали дуэтом слова со значением «здравствуйте» и «мы хотим поговорить». Мы наблюдали за ними в записи. Слушали, как они учат слова.

– Звучит, по-моему, безупречно, – говорил Скайл, и даже я опознавала отдельные фразы, но ариекки, по-видимому, нет. – У. и Б. не имели общего разума, – сказал Скайл. – За каждым их словом не стояла единая мысль.

Хозяева реагировали уже не с тем безразличием, с каким они выслушивали машинно-синтезированную речь. В основном пары оставляли их равнодушными, но к иным они прислушивались с большим вниманием. Они знали, что к ним обращаются, хотя с какими именно словами, понять не могли.

Лингвисты, певцы, специалисты по психике обследовали те пары, которые вызвали наибольший интерес. Ученые хотели знать, что между ними общего. Так возник тест двухэлементной эмпатии Штадта. Двое достигают определенного порога на крутом вираже взаимной понимаемости, за которым запускается механизм связи разных мозговых волн, синхронизирующий и соединяющий их, и вот они уже способны убедить ариеккиев в том, что звуки, которые они производят, – не просто шум.

И все же еще тысячи часов после контакта коммуникация оставалась невозможной. Много времени прошло, прежде чем исследования в области эмпатии дали свои плоды. Лишь немногие пары людей набирали приличный балл по шкале Штадта, приличный настолько, чтобы изображать единый мозг за фасадом звуков, которые они воспроизводили, как чревовещатели. Это и был тот минимум, без которого не выстраивался межвидовой контакт.

Кто-то пошутил, что колония нуждается в двойных людях. В этом и крылось решение проблемы.

Первыми собеседниками Хозяев стали прошедшие изнуряющую подготовку монозиготные близнецы. В большинстве своем они владели Языком не лучше других людей, однако успешных пар среди близнецов было выявлено больше, чем среди других контрольных групп. Говорили они ужасно, теперь мы это знаем, так что непонимания между ними и ариекаями не было конца, но это был прорыв, который делал, наконец, возможной торговлю и демонстрировал стремление учиться дальше.

Я только раз в жизни встречала пару идентичных близнецов – не уроженцев Послограда, я имею в виду, – в порту на Треоне, холодной луне. Они танцевали, у них было свое шоу. Разумеется, они были кровными, а не искусственными близнецами, но все же. Я онемела, когда их увидела. От их похожести, но не только. В основном от того, что они были не совсем одинаково одеты и причесаны, их можно было различить по голосам, они могли находиться в разных частях комнаты и говорить с разными людьми.

На Ариекке в последние два мегачаса, то есть уже много поколений, наши представители были не двойняшками, а двойниками, клонами. Их выращивали попарно на фермах послов, где настраивали так, чтобы подчеркнуть определенные психологические свойства. Кровные близнецы давно были вне закона.

Двух людей можно обучить эмпатии в ограниченном объеме, насадить ее при помощи химических препаратов и укрепить обручами-механизмами, но этого недостаточно. Послов создают и воспитывают так, чтобы они были как бы одним человеком, чтобы их мозги работали как одно целое. У них одинаковые гены, но что всего важнее: именно их разум, созданный тщательно воспитанными генами, слышали Хозяева. Если их правильно воспитать, внушить им верное представление о себе, снабдить обручами, то они заговорят на Языке, настолько близко воспроизводя единое сознание, что оно будет понятно ариекаям.

Тест Штадта по-прежнему сдают снаружи те, кто обучается психологии и языкам. Хотя теперь он утратил свое практическое значение – мы в Послограде выращиваем послов сами и не нуждаемся в том, чтобы выискивать драгоценные зерна способностей у каждой пары малолетних близнецов. И вообще я думала, что как способ выявить потенциально владеющих Языком, этот тест давно

устарел.

Настоящее, 2

– Пожалуйста, поприветствуйте вместе со мной, – я не видела, кому принадлежал этот голос, который громко объявлял имена вошедших в Дипломатический Зал, – посла ЭзРа.

Их немедленно обступили со всех сторон. В то мгновение я не видела никого из близких друзей, не с кем было разделить охватившее меня напряжение, перекинуться заговорщицким взглядом. Я ждала, когда ЭзРа начнут обход зала. Когда они пошли, каждое их движение и каждый жест кричали о том, что они чужие друг другу. Они, наверное, знали, как мы это воспримем. Когда ХоаКин и Уайат представляли их, Эз и Ра разделились, разошлись в стороны. Сначала они время от времени переглядывались, как супруги, но вот между ними пролегли метры: совсем не похоже на двойников, на послов не похоже. Я подумала, что их обручи наверняка работают по-разному. Я взглянула на их мини-механизмы. У каждого была своя особая конструкция. Ничего удивительного. Прикрывая неловкость профессиональным апломбом, ХоаКин вели Эза, а Уайат – Ра.

Каждая половинка нового посла оказалась в центре заинтригованной толпы. Для большинства из нас это была первая возможность встречи с ними. Однако среди служителей и послов оказалось немало таких, кому не хватило первой встречи, чтобы насытить свое любопытство. ЛеНа, РэнДолф и ГенРи смеялись с Эзом, коротышкой, а Ра с застенчивым видом выслушивал вопросы ЭнДрю, пока МагДа, которые, как я поняла, стояли совсем рядом, трогали его за руки.

Празднество продолжало бурлить вокруг. Наконец я поймала взгляд подведенных глаз Эрсуль и подмигнула ей, пока ко мне шел Ра. Уайат сказал «а-а», протянул руки вперед и расцеловал меня в обе щеки.

– Ависа! Ра, это Ависа Беннер Чо, одна из послоградских... Впрочем, наша Ависа многозначна. – И он поклонился так, словно делал мне подарок. – Она иммерлетчица. Много времени провела вовне, а теперь оказывает нам неоценимые услуги человека, повидавшего свет и знакомого с разными культурами. – Мне нравился Уайат, и небольшие злоупотребления властью не

вредили ему в моих глазах. Можно сказать, что мы с ним всегда были рады подмигнуть друг другу.

– Ра, – сказала я. Поколебавшись, я протянула ему руку – надеюсь, достаточно быстро, чтобы мое замешательство не бросилось ему в глаза. Не следовало обращаться к нему «мистер» или «эсквайр», ведь юридически он был не целым человеком, а его половиной. Будь рядом с ним Эз, я бы обратилась к ним «посол». ЭнДрю, Маг и Да, наблюдавшим за этой сценой, я просто кивнула.

– Рулевой Чо, – сказал Ра тихо. Он, тоже слегка поколебавшись, взял мою руку.

Я рассмеялась.

– Вы повысили меня в звании. Я Ависа. Зовите меня просто Ависа.

– Ависа.

Мгновение мы стояли молча. Он был высок и строен, светлокож, его темные волосы были заплетены в косы. Похоже, он немного волновался, но справился с этим, пока мы говорили.

– Восхищаюсь теми, кто может погружаться, – сказал он. – Я так и не привык. Конечно, я не так много путешествую, и это, возможно, одна из причин.

Не помню, что я ответила, но после моих слов наступило молчание. Потом я сказала ему:

– Придется вам подучиться. Вести светские разговоры, я имею в виду. Теперь это ваша работа.

Он улыбнулся.

– По-моему, не только это, – сказал он.

– Ну конечно, – ответила я. – Надо еще пить вино и подписывать бумаги. – Похоже, он был восхищен. – За этим вы и прилетели на Ариеку, – сказала я. – Где останетесь до скончания веков.

– Не до скончания, – сказал он. – Мы пробудем здесь семьдесят-восемьдесят килочасов. Через смену улетим. Вернемся в Бремени.

Я была ошарашена. И даже перестала болтать. Хотя, казалось бы, чему тут удивляться. Посол покидает Послоград. Совершенно невразумительная ситуация. Посол, у которого есть другой дом, – для меня это было противоречие в терминах.

Уайат бормотал что-то Ра. Магда улыбались мне за их спинами. Магда мне нравились: они были одним из немногих послов, которые не изменили своего отношения ко мне с тех пор, как я рассорилась с КелВин.

– Я из Бремени, – сказал мне Ра. – Мне нравится путешествовать, как и вам.

– А вы Подрез или Поворот? – спросила я.

Было видно, что ему не понравился вопрос.

– Поворот, – сказал он. Он был старше меня, но ненамного.

– Как это случилось? – спросила я его. – У вас с Эзом? На это уходят годы... Сколько вы тренировались?

– Ависа, в самом деле, – сказал Уайат из-за спины Ра. – Ты все узнаешь... – И он вскинул брови, точно упрекая, а я в ответ вскинула свои. Они с Ра переглянулись, и Ра заговорил.

– Мы давно дружим, – начал он. – Тест сдали много лет назад. Килочасов, я хотел сказать. Мы сделали это просто так, в рамках демонстрации возможностей методики Штадта. – Он умолк, так как в комнате вдруг стало очень шумно. Маг или Да что-то сказали, засмеялись, завертелись между мной и Ра, требуя внимания, которое он им тут же вежливо уделил.

– Он напряжен, – сказала я Уайату тихо.

– По-моему, все это ему не по вкусу. А тебе на его месте понравилось бы? Бедняга тут как в зоопарке.

– «Бедняга», – передразнила его я. – В высшей степени странно слышать, как ты о нем говоришь.

– В странные времена приходится жить. – Мы засмеялись под музыкальное крещендо. Сильно пахло духами и вином. Мы наблюдали за ЭзРа, которые были не ЭзРа, а скорее Эз и Ра, разделенные расстоянием в несколько метров. Эз легко и непринужденно болтал. Поймав мой взгляд, он извинился перед собеседниками и подошел ко мне.

– Привет, – сказал он. – Вижу, вы уже познакомились с моим коллегой. – Он потянул мне руку.

– Вашим коллегой? Да, мы познакомились. – Я покачала головой. ХоаКин стояли у локтей Эза, по одному с каждой стороны, точно престарелые родители, и я кивнула им. – Ваш коллега. Похоже, вы решили шокировать нас, Эз, – сказала я.

– Ну что вы. Нет. Конечно же, нет. – С извиняющейся ухмылкой он оглядел каждого из двойников рядом. – Просто... по-моему, это просто немного иной подход к делу, вот и все.

– И его невозможно переоценить, – с воодушевлением откликнулся Хоа, или Кин. Они заговорили по очереди. – Ты сама всегда говоришь нам...

– ...что мы тут закоснели в своих порядках, Ависа. Это пойдет...

– ...на пользу и нам, и Послогураду. – Кто-то из них хлопнул Эза по плечу.

– Посол ЭзРа – выдающийся лингвист и бюрократ.

– Хотите сказать, посол, что они – та самая «новая метла»? – ответила я.

ХоаКин засмеялись.

– Почему бы и нет?

– В самом деле почему?

– Новая метла, вот именно.

Мы были грубиянками, Эрсуль и я. Во время любых событий подобного рода мы всегда держались вместе, перешептывались и всячески выделялись. Так что когда она помахала три-дэ-рукой, привлекая мое внимание, я двинулась к ней, надеясь повеселиться. Но только я подошла, как она тревожно зашептала:

– Скайл здесь.

Я не оглянулась.

– Ты уверена?

– Вот уж не думала, что он придет, – ответила она.

Я начала:

– Не знаю, что... – Прошло некоторое время с тех пор, как я в последний раз видела своего мужа. Не хотелось бы, чтобы он устроил сцену. Прикусив костяшку пальца, я выпрямилась.

– Он ведь с КелВин, так?

– Неужели мне придется снова разлучить вас, девочки? – Это опять был Эз. От неожиданности я вздрогнула. Ему удалось избавиться от назойливой опеки ХоаКин. В его руке был стакан, он предлагал мне выпить. Он активировал что-то внутри себя, и его приращения переливались, окружая его размытым свечением. До меня дошло, что с помощью своих внутренних приспособлений он мог нас подслушать. Я постаралась сосредоточиться на нем и не шарить глазами в поисках Скайла. Эз был ниже меня ростом, но мускулист. Он носил короткую стрижку.

– Эз, это Эрсуль, – сказала я. К моему удивлению, он лишь молча взглянул на нее и снова повернулся ко мне. Я едва не задохнулась от такого нахальства.

– Развлекаешься? – спросил он меня. Я смотрела на крошечные огоньки, вспыхивавшие в роговице его глаз. Эрсуль уходила. Я собиралась пойти за ней, надменно повернув к нему спину, но из-за его плеча увидела посланный ею сигнал: «Останься, разведай».

– Тебе придется поучиться хорошим манерам, – сказала я ему тихо.

– Что? – Он был в шоке. – Что? Твоя...

– Она не моя, – ответила я. Он вытаращил глаза.

– Автом? Прошу прощения. Мне очень жаль.

– Прощения надо просить не у меня.

Он склонил голову.

– За кем-то следишь? – спросила я его после паузы. – Я вижу твои сигналы.

– Привычка такая. Слежу за температурой, загрязнениями воздуха, посторонними шумами. В основном просто так. И еще кое-что: я много лет работал в таком месте, где... короче, я привык проверять наличие тридов, камер, ушей и прочего. – Я подняла бровь. – Не могу отвыкнуть от трансляционных программ, ношу их по умолчанию.

– Что ты говоришь! – сказала я. – Надо же, как интересно. А теперь говори правду. У тебя магнитофон в ухе? Пишешь звуковую дорожку?

Он расхохотался.

– Нет, – сказал он. – Это я уже перерос. Расстался с ним... пару недель назад.

– Зачем ты тогда активировал программы-переводчики? Ты... – Я положила руку ему на руку и притворилась сильно напуганной. – Ты ведь говоришь на Языке или нет? О, случилась ужасная ошибка.

Он снова расхохотался.

– Да нет, с Языком я справляюсь, дело не в этом. – Он продолжал уже серьезнее:
– Но я не говорю ни на одном из диалектов кеди, или шурази, или...

– О, здесь ты сегодня экзотов не встретишь. Кроме Хозяев, конечно. – Я была удивлена тем, что он этого не знает. Послоград был колонией Бремена и жил по бременским законам, согласно которым наши немногочисленные экзоты получали лишь статус гастарбайтеров.

– А как же ты? – сказал он. – Что-то я не вижу приращений. Значит, ты понимаешь Язык?

Я не сразу поняла, о чем он.

– Нет. Мои входные отверстия закрылись. Раньше я использовала кое-что. Для помощи в погружении. И еще, – продолжала я, – да, я знаю, что от штучек, которые помогают разбирать слова Хозяев, бывает толк. Но я их видела, и они слишком... громоздкие.

– Можно сказать и так, – ответил он.

– Вот именно, и я бы еще потерпела, будь от них настоящая польза, но Язык шире этого, – сказала я. – Одеваешь их, когда Хозяин говорит, и тут же тебе в глаза и в уши набивается полным-полно всякой чепухи. «Алло косая черта знак вопроса все в порядке вводное слово запрос касательно уместности косая черта намека на теплоту шестьдесят процентов намека на то, что собеседник имеет тема для обсуждения сорок процентов бла-бла-бла». – Я подняла бровь. – Бессмыслица.

Эз наблюдал за мной. Он знал, что я лгу. Он не мог не знать, что сама идея использования программ-переводчиков для Языка немислима для жителя Послограда. Ничего противозаконного, просто неприлично. Не знаю даже, зачем

я ему все это наговорила.

– Я о тебе слышал, – сказал он. Я ждала. Если Эзра хоть что-нибудь смыслят в своем деле, то они должны были приготовить хотя бы по паре фраз для каждого, с кем они встретятся сегодня. Но то, что Эз сказал дальше, просто ошеломило меня. – Ра напомнил мне, когда мы услышали твое имя. Ты ведь сравнение, да? И ты, наверное, бывала в городе? В том, что вокруг Послограда? – Кто-то прошел мимо, слегка задев его плечом. Он продолжал смотреть на меня.

– Да, – сказала я. – Я там бывала.

– Прости, я, кажется... Извини, если я... Это не мое дело.

– Ничего, я просто удивилась.

– Конечно, я о тебе слышал. Мы ведь тоже проводим свои исследования. В Послограде немного таких, кому удалось то же, что и тебе.

Я промолчала. Не могу сказать, что я почувствовала, узнав, что мое имя фигурирует в бременских отчетах о Послограде. Чокнувшись с Эзом, я кое-как попрощалась и отправилась искать Эрсуль, которая маневрировала где-то в толпе на своих шасси.

– Так что у них за история? – спросила я. Эрсуль пожала нарисованными плечами.

– Эз душка, да? – сказала она. – Ра, кажется, получше, но очень скован.

– Что-нибудь на линии? – Она наверняка пыталась засечь обтекавшую нас информацию.

– Ничего особенного, – ответила она. – Похоже, Уайат совершил настоящий подвиг, чтобы протащить их сюда. И теперь кукарекает, что твой петух на навозной куче. Вот почему служители так нервничают. Я дешифровала конец какого-то сообщения... почти уверена, что служители заставили Эзра пройти тест. Знаешь, наверное, послов уже бог знает как давно не присылали извне, вот

они и не верят, что те, кто не учился Языку с детства, в состоянии усвоить все его нюансы. Их наверняка обидело это назначение.

– Не забывай, технически они тоже назначенцы, – напомнила я. Для служителей это всегда было еще одной ложкой дегтя: прибыв в город, Уайат, как всякий атташе, первым делом дал им официальное разрешение выступать от лица Бремена. – А они вообще могут говорить на Языке? Я про ЭзРа?

Эрсуль снова пожала плечами.

– Вряд ли они были бы здесь, если бы не прошли тест, – сказала она.

В комнате что-то произошло. Возникло чувство, что настал тот миг, когда, невзирая на праздничное настроение, необходимо сосредоточиться. Так всегда бывало при появлении Хозяев, а они как раз только что вошли в Дипломатический Зал.

Гости старались соблюдать вежливость – как будто мы вообще могли нагрубить им, и как будто представления Хозяев о вежливости имели те же основы, что и наши. Тем не менее, гости в основном продолжали болтать, делая вид, что им вовсе не хочется поглазеть.

Исключение составляли члены команды, которые пялились на ариекаев, никогда не виданных ими раньше. На другой стороне комнаты я заметила нашего рулевого, особенно мне бросилось в глаза выражение его лица. Помню, раз я слышала одну теорию. Это была попытка объяснить, почему люди, сколько бы они ни путешествовали, и какими бы космополитами ни становились, и каким бы биотическим разнообразием ни отличались их собственные миры, не способны сохранять спокойствие при первой встрече с экзотами. Так вот, теория заключалась в том, что мы заражены каким-то биомом Терры, из-за которого при встрече с существами, хотя бы отдаленно напоминающими те, которые водились на нашей планете, наши тела сопротивляются увиденному, словно знают, что оно не предназначено для наших глаз.

Я не знала, будет ли Скайлу хорошо в Послограде. Он наверняка был не первым, кого ввозил на планету ее возвращающийся извне уроженец, но я других не знала.

Я много времени провела на кораблях в иммере или в портах планет, длительность светового дня которых враждебна человеку. Вернувшись, я впервые за тысячи часов смогла расстаться с циркадными имплантатами и погрузиться в естественный солнечный ритм. Мы со Скайлом привыкали к девятнадцатичасовому ариеканскому дню традиционными методами, стараясь как можно больше времени проводить вне дома.

- Я тебя предупреждала, - сказала я ему. - Городок крохотный.

Сейчас я с истинным наслаждением вспоминаю те дни. Несмотря ни на что. Возвращаясь, я твердила Скайлу о том, на какую жертву иду ради него, - бросаю иммер! хороню себя в дыре! - но стоило мне, выйдя из герметически закрытого поезда в зоне золи, снова вдохнуть запахи Послограда, и я обрадовалась больше, чем сама могла ожидать. Ощущение было такое, будто я снова стала ребенком, хотя не совсем. Нет ничего особенного в том, чтобы быть ребенком. Это значит просто быть. Уже потом, вспоминая, мы создаем из этого юность.

Мои первые дни в Послограде, с деньгами и чужеземным супругом, иммерлетчицкий шик. И я распускала хвост. Меня с восторгом встретили те, кого я знала раньше, те, кто и не надеялся увидеть меня опять, те, кто сомневался, услышав новость о моем приезде, доставленную предыдущим миабом.

По-настоящему богатой я не была, но все мои сбережения были в бременских эумарках. Это была базовая валюта Послограда, разумеется, но видели ее там редко: от одного визита из метрополии до другого проходило по тридцать килочасов и больше - то есть послоградский год с лишним - и неудивительно, что наша маленькая экономика давно стала самостоятельной. Из почтения к эумаркам наша валюта, как и валюта других бременских колоний, носила название эрзац. Разные эрзацы были несопоставимы между собой, каждый ходил только у себя в стране и ничего не стоил за ее пределами. Той суммы, которую я сняла со своего счета и привезла с собой, в Бремене хватило бы на несколько месяцев, а в Послограде я могла прожить на них до следующей смены, а то и до позаследующей. Не думаю, чтобы люди на меня обижались - я

заработала свои деньги вовне. И всем объясняла, что то, как я швыряю своими заработками сейчас, называется флокинг. Хотя это было не совсем правильно – ведь у меня не было командира, от приказов которого следовало увиливать, я просто не работала – но люди все равно радовались, так им нравился летчицкий сленг. Похоже, они считали, что право на безделье я тоже заслужила.

Те из моих сменных родителей, которые еще работали, устроили вечеринку в мою честь, и меня саму удивило то, с какой радостью я вошла в свою старую детскую, где обнималась, целовалась, плакала и обменивалась приветствиями с этими милыми мужчинами и женщинами, из которых одни обескураживающе постарели, а другие как будто совсем не изменились.

– Я же говорил, что ты вернешься! – твердил папа Шемми, когда я танцевала с ним. – Я же говорил! – Они разворачивали бременские безделушки, которые я им привезла. – О, это слишком, моя дорогая! – воскликнула мама Квиллер, увидев браслеты с эстетическими приращениями.

Моего мужа папы и мамы приветствовали с робостью. Весь вечер, пока я напивалась, он, задиристо улыбаясь, стоял в украшенном лентами зале и непрерывно отвечал на одни и те же вопросы о самом себе.

Пересеклись мои пути и кое с кем из моих бывших товарищей по детской, например с Симмоном. А вот Йогна я не видела, хотя втайне надеялась на встречу. Зато у меня появились новые друзья, из далеких от меня прежде слоев общества. Меня стали приглашать на вечеринки к служителям. И хотя раньше я не относилась к их кругу, но, еще пока я готовилась стать летчицей, Послоград стал слишком тесен, чтобы я могла избежать встреч с ними. Теперь люди, служители и послы, которых в былые времена я знала лишь по именам или понаслышке, внезапно стали знакомыми, и даже больше. Но не все, кого я рассчитывала встретить, оказались на месте.

– А где Оутен? – спросила я о человеке, который часто выступал в наших послоградских тридах с сообщениями служителей. – Где папа Реншо? Где ГейНор? – о том пожилом после, одна из которых, принимая меня в Язык, сказала «Ависа Беннер Чо, не так ли?» с непередаваемой, великолепно сбалансированной интонацией, которая стала частью моего внутреннего идиолекта настолько, что, когда бы я ни представлялась полным именем, это размеренное, произнесенное ее голосом «не так ли» непременно всплывало в моем сознании. – Где ДалТон? – спросила я о после, прослывшем умными,

склонными к интригам и не скрывавшими своих разногласий с коллегами, как это было принято; с ними мне особенно хотелось познакомиться с тех пор, как я узнала, что это они публично не сдержали гнева, когда лопнул тот миаб, в моем детстве.

Оутен ушел в отставку и жил на свои скромные местные богатства. Реншо умер. Молодым. Это меня опечалило. ГейНор умерла, сначала одна, потом, сразу за ней, другая, от обручового шока и потери. ДалТон, насколько я поняла, исчез или его заставили исчезнуть – после продолжительных разногласий с коллегами, вылившихся, как мне намекали, в серьезные выяснения отношений и особенно темное дело о междоусобной борьбе служителей. Заинтригованная, я пыталась разузнать подробности, но не вышло. Как возвращенка, я могла задавать вопросы о послах напрямую, что было, в общем-то, не принято, однако я знала, до каких пор можно настаивать, а когда следует остановиться.

Не сомневаюсь, что это была иллюзия, однако тогда мне казалось, будто пребывание вовне сделало меня острее на язык, саркастичнее, умнее. Люди хорошо относились к Скайлу и были очарованы им. И он ими тоже. Побывав в нескольких мирах, в Послоград он попал неожиданно, точно вошел через дверь, которая вдруг открылась в стене. Он исследовал. Наш статус ни для кого не был секретом. О браках с неэкзотами в Послограде слышали, но воочию таких пар не видели, а потому мы приятно щекотали нервы. Мы по-прежнему ходили везде вдвоем, но со временем все реже, так как круг его личных знакомств непрестанно расширялся.

– Осторожно, – предупредила я его после одной вечеринки, где с ним заигрывал мужчина по имени Рамир, приращениями придавая своему лицу возбуждающий, по меркам здешней эстетики, вид. Я никогда не замечала, чтобы Скайл интересовался мужчинами, но все же. – Гомосексуальность здесь не в чести, – сказала я ему. – Разрешена только послам.

– А как же та женщина, Дамье? – спросил он.

– Она служитель, – ответила я. – И потом, я же не сказала, что это противозаконно.

– Пикантно, – заметил он.

– О, да, очаровательно.

– А они знают, что однажды у тебя была жена?

– Это же было вонне, дорогой, – сказала я. – Там я могла делать все, что мне, черт побери, было угодно.

Я показала ему, где мы играли детьми. Мы ходили в галереи и на выставки тридов. Скайл был очарован бродячими автомами Послограда, меланхоличными с виду машинами-бродягами.

– Они когда-нибудь заходят в город? – спросил он. Они заходили, но, сколько бы он ни приставал к ним, их искусственные мозги были слишком слабы для того, чтобы рассказать об увиденном.

Конечно, он приехал в Послоград ради Языка, но замечал и другие местные особенности. Его поразили ариеканские живые машины. В домах друзей он, словно оценщик, подолгу изучал их квазиживые артефакты, архитектурные украшения тончайшей работы или редкие медицинские штучки, протезы и тому подобное. Со мной он любил прийти на самый край эолийского дыхания, подняться там на какой-нибудь балкон или смотровой мостик со стороны Послограда и наблюдать стада пасущихся энергостанций и заводов. Да, его интересовало обиталище Языка, но он видел и сам город. Однажды он начал размахивать руками, как мальчишка, и, хотя увидеть его с такого расстояния было невозможно, одна станция дернула антенной, как будто в ответ.

Возле самого сердца Послограда было место первого архива. Конечно, каменные завалы могли бы и разобрать, но все стояло как было с тех пор, как здание рухнуло: полтора с лишним мегачаса, то есть больше половины местного века. Вероятно, первые строители нашего города считали, что людям необходимы руины. Дети еще наведывались сюда иногда, как мы когда-то, но в основном поросший травой пустырь служил убежищем животным с Терры и тем представителям местной фауны, которые могли дышать одним воздухом с нами. За ними Скайл тоже подолгу наблюдал.

– Что это? – Рыжее обезьяноподобное создание с собачьей головой быстро лезло вверх по трубе.

- Это называется лиса, - сказала я.

- Она что, измененная?

- Не знаю. Если и так, то очень давно.

- А это что?

- Галка. Плавниковая кошка. Собака. Что-то местное, не знаю названия.

- Это не то, что называют собакой у нас, - говорил обычно он или тщательно повторял по слогам: «Гал-ка». Но больше всего он интересовался незнакомыми туземными животными Ариеки.

Однажды мы много часов провели на очень жарком солнце. Мы сидели, болтали о том о сем, потом перестали болтать и просто сидели, держась за руки, сидели так тихо, что звери и растения забыли, что мы живые, и начали воспринимать нас как пейзаж. Два существа, каждое длиной с половину моей руки, боролись в траве.

- Смотри, - шепнула я тихо. - Ш-ш-ш. - Неподалеку какое-то мелкое двуногое существо неловко тащилось прочь, волоча окровавленный зад.

- Он ранен, - сказал Скайл.

- Не совсем. - Как всякий послоградский ребенок, я знала, что это такое. - Смотри, - сказала я. - Вон тот - охотник. - Свирепый измененный барсучонок в пятнистой черно-белой шубе. - То, с чем он борется, называется трунк. И то, что убегает, тоже. Знаю, они кажутся двумя разными животными. Видишь, у того как бы оторван хвост? А у того, который борется с измененным барсуком, как будто нет головы? Это мозговая и мясная части одного и того же животного. Когда трунка атакуют, они разделяются: мясная часть удерживает хищника, а мозговая убегает в поисках последнего шанса совокупиться.

- Совсем не похоже на то, что водится у нас, - сказал Скайл. - Но... он же, наверное, не терранский? - Мясная часть трунка побеждала, втапывая барсука в землю. - До того как половина убежала, у него было восемь ног. На Терре ведь

не было октоподов, верно? Разве что под водой...

- Он не терранский и не ариеканский, - ответила я. - Его занесли сюда случайно, несколько килочасов назад, на корабле кеди. Эти звери - бродяги. Они, наверное, хорошо пахнут, или еще что-нибудь в этом роде: на них нападают все, кому не лень. Но животное, которое победит и съест мясную часть трунка, скоро начнет тошнить, или оно вообще погибнет. Бедные маленькие эмигранты.

Голова автотрункатора сидела в тени камня, на котором сохранились обрывки проводки, и наблюдала триумф своих бывших задних конечностей. Она раскачивалась взад и вперед, словно сурикат или маленький динозавр. Голова забрала с собой единственную пару глаз трунка, и мясная часть кружила в слепой ярости, вынюхивая еще врагов, от которых следовало защитить убежавший мозг.

Движимый непостижимой сентиментальностью, Скайл, не без усилий избежав когтей трунка - что само по себе было настоящим достижением, ведь лишенная мозгов задняя половина его тела стремилась только к драке, - поймал его и принес домой. Там зверь прожил несколько дней. Соорудив для него клетку, Скайл положил туда еду, а трунк подходил к ней и отхватывал от нее куски, ни на минуту не прекращая кружить по клетке, хотя мозга, который следовало защищать, там не было. Зверь бросался на все тряпки или щетки, которые мы вешали или ставили рядом. Он умер и разложился мгновенно, как посыпанный солью слизняк, оставив нам грязь, которую пришлось убирать.

У монетной стены я рассказала Скайлу о той первой встрече с Бреном. Я обнаружила, что не хочу ни вести его туда, ни рассказывать ему эту историю, и это так меня разозлило, что я заставила себя это сделать. Скайл долго смотрел на дом.

- Он все еще здесь? - спросила я у местного торговца.

- Почти не показывается, но живет здесь. - Человек скрестил пальцы от дурного глаза.

Так я водила Скайла по своему детству. Как-то утром мы сидели за поздним завтраком на площади, когда на другом ее конце я вдруг увидела - и показала Скайлу - группу юных послов-практикантов, под строгим контролем,

руководством и защитой совершавших экскурсию по городу, интересы которого им однажды придется представлять. Их было пять или шесть, похоже, что из одной партии, десять или двенадцать ребятишек в нескольких килочасах от полового созревания, в сопровождении учителей, охраны, двух взрослых послов, мужчин и женщин, которых издали мне было не опознать. Обручи учеников неистово сверкали.

- Что они делают? - спросил Скайл.

- Ищут сокровища. Готовят уроки. Не знаю, - ответила я. - Осматривают свои владения. - Немного смутив меня и позабавив остальных обедающих, Скайл встал и стоя наблюдал за ними, не переставая жевать полюбившийся ему тягучий послоградский тост (слишком аскетичный для меня теперь).

- И часто такое бывает?

- Не очень, - ответила я. Те редкие группы, которые мне попадались, я в основном видела в детстве. Если рядом оказывались друзья, то мы пытались привлечь внимание одного из будущих послов, а добившись своего, хихикали и убегали, и кто-нибудь из их эскорта иногда пускался за нами в погоню. Еще несколько минут мы выделялись, немного нервно передразнивая их, когда они уходили. Но теперь меня больше интересовал завтрак, и я ждала, пока Скайл сядет.

Когда он, наконец, заговорил, то первыми его словами были:

- Что ты думаешь о детях?

Я посмотрела туда, куда ушли маленькие двойники.

- Интересная цепь ассоциаций, - сказала я. - Здесь это не совсем так... - В стране, в которой он родился, на планете, где располагалась эта страна, детей воспитывали в основном в группах от двух до шести взрослых, соединенных между собой кровным родством. Скайл часто вспоминал о своем отце, матери, своих дядьях, или как там он их называл, и всегда говорил о них с большой теплотой. Но с тех пор, как он видел их в последний раз, прошло немало времени: вовне такие связи обычно быстро изнашиваются.

– Я знаю, – сказал он. – Просто я... – И он показал на город рукой. – Здесь так хорошо.

– Хорошо?

– Есть тут что-то.

– «Что-то». А я думала, слова – твоя профессия. Ладно, сделаем вид, что я тебя не слышала. С какой стати мне навлекать на это милое местечко...

– Да ладно тебе, хватит. – Он улыбался, но в голосе сквозил легкий укор. – Ты вырвалась, я знаю. Но, Ависа, тебе здесь нравится гораздо больше, чем ты пытаешься показать. Уж не так сильно ты меня любишь, чтобы согласиться вернуться сюда ради меня, будь это место для тебя сущим адом. – Он снова улыбнулся. – Да и что тебе так уж не нравится?

– Ты кое о чем забываешь. Тут тебе не вовне. Большую часть того, чем мы тут занимаемся – кроме живых машин, разумеется, которые мы получаем благодаря сам знаешь кому, – в Бремене считают чистым шаманством. Включая и секс-технологии. Ты хоть помнишь, как делают детей? Мы с тобой не очень-то...

Он засмеялся.

– Очко, – сказал он. И взял меня за руку. – Совместимы везде, кроме постели.

– А кто сказал, что я хочу делать это в постели? – ответила я. Это была шутка, а не попытка соблазнения.

Если подумать, то теперь все это сильно напоминает прелюдию. Впервые я увидела незнакомых мне экзотов в беспутном городишке на крохотной планетке, которую мы зовем Себзи. Там меня представили группе ульев. Понятия не имею, кто они были такие и откуда вели свой род. С тех пор я никого похожего на них не видела. Один подошел ко мне на своих ложноножках, перегнул в талии похожее на песочные часы тело и, шевеля крошечным отверстием, полным похожих на пеньки зубов, на безукоризненном всеанглийском сказал:

– Мисс Чо. Очень рад встрече.

Не сомневаюсь, что Скайл реагировал на кеди, шурази и паннегетчей с большим апломбом, чем я на ульев тогда. Он читал в восточном районе Послограда лекции о своей работе и путешествиях (меня всегда изумляло, как он, ничего не придумывая, ухитряется, тем не менее, превратить свою жизнь в связную историю, стройную и яркую, как радуга). Тройка кеди подошла к нему потом, перемигиваясь цветочными клетками на брыжах, и она-самец поблагодарила его, выговаривая слова с характерной для этих существ любопытной дикцией, и пожала ему руку хватательным половым органом.

Он сам познакомился с торговцем-шурази, которого мы знали как Гасти, – позже Скайл с явным удовольствием произнес мне всю цепочку его имен, – и свел с ним кратковременную дружбу. Люди разевали рты, видя их вдвоем прогуливающимися по городу: рука Скайла дружески лежала поперек основного туловища Гасти, а реснички шурази переступали по земле в такт шагам Скайла. Они рассказывали друг другу истории.

– В следующий раз, когда будешь в иммере, – говорил Гасти, – попробуй поехать на веретенной тяге. Чтоб мне провалиться, вот это путешествие! – Я так и не поняла, на самом ли деле его мышление настолько близко к нашему, как позволяли предположить его анекдоты. По крайней мере, разговорный язык давался ему легко, один раз он даже спародировал убогий всеанглийский соседа-кеди, пересказывая какую-то довольно сложную шутку.

Но, конечно, Скайлу больше всего хотелось увидеть ариекаев. Именно ими он занимался по ночам, отдыхая от светской жизни. И именно они ему и не давались.

– Я все еще почти ничего о них не знаю, – говорил он. – Какие они, о чем думают, что делают, как работают. Даже бумаги, в которых послы описывают свою работу, свои, как это сказать, взаимоотношения с ариекаями, какие-то на удивление... пустые. – Он посмотрел на меня так, словно чего-то хотел. – Они знают, что им надо делать, – сказал он, – но не понимают, что делают.

Я не сразу поняла смысл его жалобы.

– Работа послов не в том, чтобы понимать Хозяев, – сказала я.

- Чья же это работа?

- Ничья. - Думаю, что именно тогда я впервые ощутила пропасть между нами.

Тогда мы уже знали Гарду, Кайли и других, были знакомы со служителями и их кругом. Я подружилась с Эрсуль. Она дразнила меня тем, что у меня нет профессии (она, в отличие от большинства послоградцев, была знакома с понятием «флокер» еще до того, как я ввела его), и я отвечала ей тем же. В качестве автома Эрсуль не имела ни прав, ни обязанностей, но, насколько было известно, ее прежний хозяин скончался, не оставив завещания, и она так и не стала чьей-либо собственностью. Согласно некоторым вариантам законов об имуществе, кто-нибудь теоретически мог предъявить на нее права, но теперь это показалось бы омерзительным.

- Все дело в тюрингских программах, - говорил Скайл, когда ее не было с нами, хотя и он соглашался, что лучше так, чем как раньше. Наши с ней отношения его забавляли. Мне не нравился его настрой, но поскольку он был отменно вежлив с ней, словно и впрямь считал ее человеком, я не стала устраивать скандал. Единственный раз он заинтересовался Эрсуль по настоящему, когда сообразил, что, раз она не дышит, то может входить в город. Я рассказала ему правду: о том, как однажды я ее спросила, а она ответила мне, что никогда там не была и не собирается, но почему, не объяснила, а тон у нее при этом был такой, что мне расхотелось вникать в подробности.

Иногда ее звали подхалтурить с искусственными умами и автомами Послограда, что приводило к ее тесному контакту со служителями: мы с ней часто встречались на одних и тех же официальных званных вечерах. Меня приглашали на них потому, что я тоже бывала полезна. Ведь я вернулась извне гораздо позже, чем кто-либо из начальства: редкие служители ездили по делам в Бремен и возвращались оттуда. Я была источником, из которого они могли узнать о последних событиях и культуре Чаро-Сити.

Когда я уезжала из Послограда, папа Реншо отвел меня в сторону - буквально прижал меня к стене комнаты, в которой проводилась моя отвальная. Я ждала отцовских наставлений, измышлений о жизни снаружи, но он только сказал мне, что, если я когда-нибудь вернусь, Послоград будет очень заинтересован состоянием дел в Бремene. Это было сказано так вежливо и прямо, что я даже не сразу поняла, что меня вербуют в шпионки. Сначала я забавлялась тем, что

совсем не похожа на шпионку. А потом, тысячи часов спустя, когда я вернулась в Послоград и обнаружила, что стала полезна именно в том качестве, о котором мне говорили, мне сразу стало и грустно, и смешно.

Мы со Скайлом в любом случае вызывали бы интерес – он, зачарованный местной культурой одержимый иностранец, был явлением редким; я, часть Языка, иммерлетчица-возвращенка, была местной знаменитостью. Но, начав поставлять факты о Бремене, я, простолюдинка, и мой простолюдин-муж куда быстрее вошли в окружение служителей, чем могли бы при иных условиях. Приглашения продолжали поступать даже тогда, когда местные средства массовой информации уже перестали публиковать интервью и статьи о блудной иммерлетчице.

Ко мне подошли вскоре после моего возвращения. Не послы, разумеется, а какие-то визири и другие важные шишки, и попросили меня присутствовать на встрече, где говорили так туманно, что я никак не могла понять, к чему все это, пока внезапно не вспомнила слова папы Реншо, и тут только сообразила, что все эти негромкие вопросы о некоторых тенденциях, существующих в данный момент в Бремене, об объединенных силах и возможном отношении к зависимым территориям и их притязаниям были на самом деле просьбами предоставить политическую информацию. За плату.

Последнее показалось мне глупым. Я не взяла денег за то, что поделилась с ними своими скромными знаниями. Я отмела в сторону чьи-то дипломатичные попытки объяснить суть их политических опасений: это не имело значения. Я показывала им новостные трубки, загруженные из сети файлы, давая тем самым слабое представление о балансе сил внутри правящей в Бремене Космополитической демократической партии. Войны и интервенции, которые вел Бремен, и тяжелое положение, в которое он в связи с этим время от времени попадал, никогда не представляли для меня особого интереса, но, возможно, для тех, кому это было очень важно, даже мои крохи информации о недавних событиях были откровением. Честно говоря, я сомневаюсь, чтобы их искусственные мозги и аналитики не предвидели всего того, о чем я говорила, и не догадывались об этом.

В общем, никакой шпионской драмы тут не было. Несколько дней спустя меня представили Уайату, тогда еще новому человеку Бремена в Послограде, о котором мои собеседники-служители упоминали в выражениях расплывчато-предостерегающих. Он тут же начал дразнить меня той встречей. Спросил, не

установила ли я камеру в его спальне или что-то в этом роде. Я рассмеялась. Мне нравилось, когда наши пути пересекались. Он присвоил мне персональный номер.

Вращаясь в таких кругах, в высшем обществе Послограда, я повстречала посла КелВин и стала их любовницей. Они немало сделали для меня, в том числе дали возможность Скайлу встретиться с Хозяевами.

КелВин были высокими, серокожими мужчинами немного старше меня, склонными к некоторой игривости и обладавшими очаровательным высокомерием лучших послов. Они приглашали меня и, по моей просьбе, Скайла, на приемы, и сами ходили с нами в город, где послы так редко появлялись без сопровождения слуг, что это зрелище привлекало внимание.

– Посол, – Скайл набирался смелости спросить, поначалу осторожно, – у меня есть вопрос касательно вашего... взаимодействия с Хозяевами. – И тут же пустился в какие-то узкоспециальные, таинственные подробности. КелВин, в то время стремившиеся заслужить мою благодарность, проявляли терпение, хотя их ответы, вне всякого сомнения, не оправдали его ожиданий.

В компании КелВин я видела, слышала и интуитивно догадывалась о таких подробностях разных сторон послоградской жизни, которых иначе не узнала бы никогда. Я улавливала любые мелкие оговорки, намеки и комментарии моих любовников. Они не всегда отвечали, когда я задавала им прямые вопросы, – иногда у них проскакивало что-нибудь насчет заблудших коллег или ариекайских фракций, и, хотя они отказывались развивать эти темы, я все мотала на ус.

Я спросила у них про Брена.

– Я нечасто его вижу, – сказала я. – Похоже, он не приходит на собрания.

– А я и забыл, что у тебя есть с ним контакт, – сказали КелВин, оба глядя на меня, хотя и немного по-разному. – Нет, Брен у нас вроде как в добровольном изгнании. С планеты он, конечно, не уедет, это понятно.

- Такой поступок противоречил бы его представлению о себе в наших глазах.
- А шанс у него был. Он мог уехать.
- После того, как его разделили.
- Вместо... - Они рассмеялись. - Он у нас вроде узаконенного изгоя.
- Он в курсе почти всего происходящего. И даже больше - он знает такие вещи, которые ему не следовало бы знать.
- Лояльным его назвать нельзя. Но польза от него есть.
- И все равно он больше не лоялен, а может, и раньше не был. - Скайл жадно ловил каждое их слово.
- На что это похоже? - спросил меня Скайл. - Я, конечно, и сам раньше бывал с двумя сразу, наверняка и ты тоже, но тут наверняка все...
- Нет, Фарои, нет. Господи, ты невыносим. Нет, с ними все совсем иначе. - Тогда я твердо стояла на своем: теперь у меня есть сомнения.
- А они оба концентрируются на тебе? - спросил он. Мы захихикали, он от глупой похоти, а я от ощущения того, что богохульствую.
- Нет, мы с ними вполне на равных. Кел, я и Вин, все вместе. Честное слово, Скайл, я не первая, кого посол когда-либо...
- Зато ты единственная, кого я могу об этом расспросить. - К тому времени я уже не была уверена в том, что это правда. - Я считал, что гомосексуальные связи не одобряются, - добавил он.
- Ну вот, теперь ты выделяешься, - сказала я. - Они не занимаются этим, когда остаются наедине. Ни они, ни другие послы. Ты это знаешь. У них... мастурбация. - Таково было упрощенное, хотя и несколько скандальное

описание процесса, и, выговорив это слово, я почувствовала себя как маленькая девочка. – Представь, как это выглядит, когда встречаются два посла.

Скайл часами, буквально часами слушал записи ариекайской речи, разглядывал плоские и объемные изображения их встреч с послами. Я наблюдала за ним, когда он беззвучно шевелил губами и делал неразборчивые заметки, одной рукой занося их в свое дата-пространство. Учился он быстро. Меня это не удивляло. Когда КелВин, наконец, пригласили нас на какое-то событие, где должны были присутствовать Хозяева, Скайл уже понимал Язык почти в совершенстве.

Это была запланированная дискуссия из тех, которые послы проводили с Хозяевами каждую неделю. Межпланетный торговый обмен мог совершаться не чаще одного раза в несколько тысяч часов, но ему неизменно предшествовали тщательные, всесторонние переговоры. Как только из иммера прибывал очередной корабль, его капитану тотчас сообщались все договоренности, достигнутые Хозяевами и служителями (при обязательном участии представителя Бремена), и снабженное этой информацией, а также нагруженное ариекайской техникой судно уходило в обратный рейс, а в следующий раз привозило то, что мы обещали ариекаям взамен. Они терпеливо ждали.

– Будет прием, – сказал нам один из КелВин. – Хотите пойти?

На сами переговоры нас, разумеется, не пустили. Скайл очень об этом жалел.

– Да какая тебе разница? – удивлялась я. – Там же с тоски помрешь. Торговые переговоры? Правда? Сколько вам нужно того, сколько этого...

– Вот именно, я хочу знать, вот именно. Что им нужно? Ты, вообще-то, знаешь, чем мы с ними обмениваемся?

– В основном опытом. Искусственный интеллект, искусственные мозги и прочее. Это они делать не умеют.

– Знаю, из-за Языка. Но мне хотелось бы узнать, как они пользуются всей этой техникой, когда она попадает к ним.

Разумеется, ни один ариекай не мог записывать информацию в искусственный мозг: письменность на их языке была невозможна. С устным вводом дело обстояло не лучше: насколько могли определить экзопсихологи, Хозяева не понимали, как взаимодействовать с машиной. Компьютер обращался к ним на языке, который человеческое ухо воспринимало как неотличимый от местного диалекта, но для ариекаев, не чувствующих за ним разума, его слова были просто шумом.

И тогда наши дизайнеры создали компьютеры, которые были подслушивающими системами. Их делали из обычных животных-динамиков-и-телефонов, изготовленных Хозяевами. Они могли – хотя никто не понимал как – понимать голоса друг друга и даже наших послов как через громкоговорители, так и в записи: до тех пор пока за словами, не важно, произнесенными сейчас или записанными раньше, стоял настоящий, думающий разум, сообщение не переставало быть понятным, или, как выражался Скайл, не утрачивало души, нигде и никогда. Человеческие ученые взяли этих посредников и усовершенствовали их, дополнив, а иногда и частично заменив технологиями, которые не умели создавать ариекай. То есть перенаправили их голоса через искусственные мозги.

Программы предназначались для использования собеседниками, с целью переводить невысказанные намеки в конкретные указания. Ариекай разговаривали между собой, как обычно, и, если их беседа принимала некий теоретический оборот, оборудование прислушивалось, производило расчеты, изменяло правила вывода, выполняло автоматизированные задания. Как происходящее в этих машинах истолковывали сами ариекай, не могу даже представить, но мне говорили, что они знают – мы кое-что им дали, в конце концов, они ведь заплатили за это.

– А что получаем мы? – спросил Скайл.

КелВин указал на люстру над нашими головами, которая с ленивой грацией ползала по потолку, протягивая щупальца с пучками света на концах в самые темные углы комнаты и вновь убирая их, когда надо.

– Живые машины, разумеется, – сказали они. – Ты же знаешь.

– Ты их и в Бремене видел. Многое из съестного. А еще камни и всякие другие штуки. – Как почти все в Послограде, я слабо представляла себе подробности обмена, о котором они говорили.

– И золото.

В ту первую вечеринку КелВин дежурили, но роль хозяев выполняли превосходно. Скайл стоял у стола с деликатесами, как человеческими, так и ариекайскими, и ждал.

– Долгожданное братание с туземцами, а? – Эрскуль незаметно подошла ко мне сзади. Она заговорила внезапно, и я вздрогнула и засмеялась.

– Он такой послушный, – сказала я, кивнув на Скайла.

– Терпеливый, – сказала она. – Но тебе легко говорить, ты-то уже видела Хозяев.

Она объяснила, что просто шла мимо, наверное, с каким-нибудь заданием. Развернувшись, она прокатилась мимо Скайла, шепнув ему что-то, а он поздоровался и посмотрел ей вслед.

– Ты знаешь, что сказали мне КелВин? – прошептал он мне. Рукой со стаканом он показал на удаляющуюся Эрскуль. – Она говорит на Языке. Безукоризненно. Все послы в точности понимают каждое ее слово. Но, стоит ей заговорить с Хозяином, и ничего. – Он встретил мой взгляд. – Так что она не говорит по-настоящему.

Он старательно прятал свое нетерпение – по крайней мере, не хамил. КелВин представили его тем служителям и послам, с которыми он еще не был знаком. И, разумеется, Хозяевам, когда те, наконец, пришли, вызвав обычную суету в комнате.

Впервые за тысячи часов я снова увидела их так близко. Их было четверо. Трое были в расцвете, в третьем возрасте, их высокие фигуры топорщились дрожащими усиками. Четвертый был в финальной стадии – старческий маразм. Его массивное брюхо колебалось, точно маятник, а конечности стали длинными и тонкими. Он твердо держался на ногах, но его движения были

бессмысленными. Собратья привели его с собой просто из добрых чувств. Он шел за ними инстинктивно, реагируя на привычные силуэты и химический след. Эволюционная стратегия на Ариееке была такова: у многих видов животных организм, достигший финальной стадии развития, служил складом питательных веществ для молодых. Они могли сутками глотать оболочку живота старика без всякой опасности для его жизни. Раньше так поступали и Хозяева, но они оставили эту практику несколько поколений назад, сочтя ее, как мы поняли, пережитком варварства. Они оплакивали своих стариков, когда те входили в финальную стадию жизни и их мозг угасал, и почтительно сопровождали эти фактические трупы повсюду, пока они не распадались на куски.

Теперь это не вполне мертвое существо налетело на стол, опрокинув бокалы с вином и рассыпав канapé, а Генри, ЛоГан, КелВин и другие послы засмеялись, точно над удачной шуткой.

– Прошу, – сказали КелВин, выводя Скайла вперед, к почетным туземным гостям. Лицо Скайла оставалось бесстрастным. – Скайл Чо Бараджан, это спикер... – и Подрезом и Поворотом они произнесли имя Хозяина.

Он обернул к нам похожие на коралловые ветки отростки, на конце каждого из которых сидел глаз.

– Кора/Шахунди, – вместе сказали КелВин. Только послы умели произносить имена Хозяев.

Покачивая выходящим из шеи горлом-стебельком, на котором держался рот-подрез, до ужаса похожий на человеческий, Хозяин зашептал: а на уровне человеческой груди, там, где у него начинало круглиться брюхо, открылся и закашлял рот-поворот, издавая маленькие круглые звуки – тао, дао, тхао.

Органы каких-то мелких животных, свернутые в спираль, лежали вокруг его шеи. Между стилетами его ног вилась еще одна мелкая тварь, животное-компаньон. Такие сопровождали всех ариекаев, не считая стариков с атрофированным мозгом. Размером с грудного ребенка, они походили на толстых личинок с ножками-пеньками, филигранными усиками и дырочками по всей спине, некоторые с металлическими окантовками. Способ их передвижения представлял собой нечто среднее между прыжками и конвульсиями. Эти зверьки носили название зелле и служили самодвижущимися батарейками, к которым

можно было подсоединять разные шнуры и провода и, в зависимости от того, чем кормил своего зверя Хозяин, получать из него разные виды энергии. В городе ариекаев таких ходячих источников питания было видимо-невидимо.

Кора/Шахунди шагнул вперед, переступив четырьмя ногами, очень похожими на паучьи – такими же длинными, коленчатыми и мохнатыми, – и раскинул крылья: на спине развернулось многоцветное слуховое крыло; на груди, чуть ниже второго рта, зашевелилось интерактивно-манипуляторное крыло, дающее.

Мы хотели бы пожать ваше дающее крыло своими руками, сказали КелВин, и Скайл, чье лицо по-прежнему оставалось для меня загадкой, чуть надув губы, протянул руку. Хозяин стиснул руку Скайла в бессмысленном для него самого пожатии, а потом потянулся к моей руке.

Так Скайл увидел, как говорят на Языке. Он слушал. Он задавал КелВин вопросы между фразами, которыми те обменивались с Хозяевами, и они, к моему удивлению, не возражали.

– Что? Неужели он намекает, что вы не могли согласиться?...

– Нет, это...

– ...сложнее. Подожди.

Затем КелВин начинали говорить вместе. «Сухаиш/ко», – услышала я в какое-то мгновение; они говорили «пожалуйста».

– Я почти все понял, – рассказывал мне потом Скайл. Он был очень возбужден. – Они меняют видо-временные формы, – продолжал он. – Когда зашла речь о переговорах, они – я имею в виду ариекаев – пользовались настоящим прерывистым, а потом перешли на скрывающее настоящее-прошедшее. Это для того, чтобы э-э-э... – Я уверила его, что знаю, для чего. Он мне уже говорил. Разве можно было слушать его без улыбки? Я слушала его с симпатией, если не с интересом, несколько сотен часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/chayna-mevil/posol-skiy-gorod>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)